

Корона между братьями

Федор Сафонов

Корона между братьями

«Автор»

2026

Сафонов Ф.

Корона между братьями / Ф. Сафонов — «Автор», 2026

Королевство Альфия привыкло жить по строгим законам крови и наследия. Наследный принц Джонатан с детства знает: однажды корона его отца станет его короной. Когда в королевской семье рождается второй сын — маленький Грэг, которого близкие ласково называют Грэгги, — Джонатан видит в нём лишь младшего брата, которого обещает защищать от всего мира. Но дворец умеет превращать любовь в страх. Год за годом Джонатан слышит осторожные намёки придворных: второй принц может стать соперником. Народ любит Грэга. Дворяне восхищаются им. А история знает немало братьев, которые ради престола поднимали друг на друга меч. Пока Грэг всем сердцем тянется к старшему брату, в душе Джонатана медленно растёт подозрение. И однажды ему придётся решить, кому верить — собственному брату или тем, кто много лет нашёптывал ему о предательстве. **«Корона между братьями»** — история о семье, власти, страхе и любви, которую можно почти уничтожить словами, но гораздо труднее уничтожить навсегда.

© Сафонов Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. В ночь, когда звонили колокола	5
Глава 2. Джони	16
Гл	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Федор Сафонов

Корона между братьями

Глава 1. В ночь, когда звонили колокола

На севере континента Элирия существовала старая поговорка: если ночью начинают звонить королевские колокола, значит, к утру мир станет немного другим.

Иногда они возвещали смерть.

Иногда — войну.

Гораздо реже — рождение.

В ту осеннюю ночь колокола столицы Альфии разбудили почти весь город. Первым ударил большой колокол западной башни королевского дворца. Его низкий голос прокатился над черепичными крышами, перелетел через городскую стену и растворился где-то над тёмными полями. За ним заговорили колокола главного собора. Потом — башни Старого рынка. Затем им ответили маленькие колокольни на южном берегу реки. Один за другим. Будто весь город передавал какую-то важную весть, содержание которой ещё никто не знал. В окнах домов зажигались свечи. Пекарь на улице Святого Рема выглянул из окна второго этажа, завернувшись в старое одеяло. На другом конце столицы хозяин постоялого двора вышел во двор и долго смотрел на светящийся королевский дворец. Ночные стражники переговаривались у ворот. Кто-то предположил, что умер старый герцог Торрен. Кто-то решил, что король объявляет сбор армии. А женщины, знавшие придворные слухи лучше большинства министров, говорили другое. Королева рожала. И если они были правы, этой ночью в Альфии должен был появиться второй королевский ребёнок.

Королевство Альфия занимало западную часть Элирии. На картах его обычно изображали вытянутым вдоль моря зелёным пятном между Арденскими горами на севере и широкой рекой Лоран на юге. Для торговцев Альфия была страной хороших дорог и низких портовых пошлин. Для соседних королей — богатым государством с сильным флотом. Для путешественников — землёй белокаменных городов, виноградных склонов и дождливых осеней. Но сами альфийцы, если их спрашивали, чем особенно славится их родина, почти всегда отвечали одинаково: стабильностью. Короли дома Астерион правили страной больше трёхсот лет. Менялись поколения. Менялись министры. Иногда менялись границы. А золотая корона с семью маленькими сапфирами неизменно переходила от одного монарха к другому. В тот год её носил король Адриан IV. У него была жена, королева Элеонора. И шестилетний сын. Наследный принц Джонатан. Именно его ночные колокола разбудили раньше всех остальных жителей дворца. Сначала Джонатану приснилось море. Он никогда ещё не видел настоящего моря, хотя отец обещал следующим летом взять его в королевскую гавань. Во сне вода была совершенно чёрной. По ней шёл огромный белый корабль. На его мачтах висели синие флаги Альфии, а впереди, на носу корабля, стоял Джонатан в золотой короне. Корона постоянно сползала ему на глаза. Он пытался поправить её, но она была слишком тяжёлой. А потом где-то далеко ударил колокол. Корабль исчез. Ударил второй. Исчезло море. После третьего Джонатан открыл глаза. Некоторое время он лежал совершенно неподвижно. В спальне было темно. На стене едва различался вышитый золотыми нитями королевский герб — лев, стоящий под семиконечной звездой. У окна дрожала полоска лунного света. Колокол ударил снова. Джонатан сел.

— Марта?

Никто не ответил.

Обычно няня спала в маленькой комнате за соседней дверью и слышала даже тогда, когда он просто переворачивался в кровати. Сегодня её не было. Это насторожило принца гораздо сильнее колоколов. Он отбросил одеяло. Пол оказался ледяным.

— Ох...

Джонатан быстро отдернул ногу. Потом решил, что наследным принцам не положено бояться холодного пола, и решительно встал обеими ногами. Через секунду он всё равно запрыгнул обратно на ковёр. На стуле лежал его халат. Он надел его задом наперёд, несколько секунд боролся с рукавами, потом понял ошибку и сердито передел. За дверью снова раздались шаги. На этот раз совсем близко. Кто-то торопливо прошёл по коридору, потом остановился, сказал что-то вполголоса, и почти сразу послышался женский ответ. Джонатан замер. В обычную ночь дворец никогда не звучал так.

Он привык к тишине после отбоя, к редкому постукиванию сапог караульных, к тихому потрескиванию свечей в настенных светильниках и к тому, как ветер иногда шевелил тяжёлые портьеры у окон. Но сейчас за дверью будто проснулся весь королевский дворец. Кто-то носил воду. Кто-то звал лекаря. Где-то хлопнула дверь. Потом ещё одна.

Джонатан подошёл ближе и приложил ухо к дереву.

— Быстрее, — сказал чей-то голос.

— Уже несут.

— А повитуха?

— У её величества.

Мальчик нахмурился. Он не всё понимал, но одно слово узнал сразу. Её величество. Так во дворце называли его мать. Королеву Элеонору. Джонатан осторожно взялся за ручку двери. Она оказалась холодной. Он немного подумал. Марта наверняка сказала бы, что ему следует вернуться в постель. Наставник сказал бы, что будущий король обязан соблюдать порядок. Отец, скорее всего, спросил бы, почему его сын бродит по дворцу среди ночи босиком. Джонатан посмотрел на свои ноги. Потом на ковёр. Потом снова на дверь. И всё-таки открыл её. Коридор встретил его тёплым светом свечей. Сразу стало понятно, что спать этой ночью никто не собирался.

По длинной галерее торопливо шли служанки. Одна несла сложенные простыни. Другая держала большой медный кувшин, из которого поднимался пар. У лестницы двое лакеев разговаривали так тихо, будто боялись потревожить сам дворец.

Джонатан вышел из комнаты. Один из лакеев заметил его первым.

— Ваше высочество?

Второй резко обернулся.

Оба поклонились.

— Почему все не спят? — спросил Джонатан.

Лакеи переглянулись.

— Королевские дела, ваше высочество.

Джонатан нахмурился.

Он уже успел заметить, что взрослые особенно любили говорить «королевские дела», когда не хотели ему ничего объяснять.

— Я тоже королевский.

— Несомненно.

— Тогда скажите.

Первый лакей открыл рот. Второй едва заметно толкнул его локтем.

— Лучше спросите няню, ваше высочество.

— Марты нет.

— Она, должно быть, неподалёку.

Джонатан посмотрел в конец коридора. Все слуги шли в одну сторону. К восточному крылу. Туда, где находились покои короля и королевы. Вдруг всё стало гораздо понятнее. Последние месяцы живот его матери становился всё больше. Сначала Джонатан не обращал на это внимания. Потом однажды спросил прямо за завтраком:

— Мама, почему ты стала такой круглая?

Король тогда подавился вином. Королева долго смеялась. А потом объяснила, что скоро у Джонатана появится брат или сестра. С тех пор мальчик ждал. Первые несколько недель ему было интересно. Потом ожидание начало раздражать. «Скоро» у взрослых оказалось словом совершенно ненадёжным. Скоро могло означать завтра. Через неделю. Через месяц. Или неизвестно когда. Но теперь Джонатан посмотрел на бегущих по коридору слуг и понял. Сегодня. Он сразу пошёл быстрее.

— Ваше высочество? — позвал лакей.

Джонатан даже не обернулся.

— Я к маме.

— Но...

Он свернул за угол. Коридор здесь был шире.

На стенах висели портреты предков дома Астерион, освещённые редкими свечами. Даже ночью они смотрели на Джонатана серьёзно. Короли. Королевы. Принцы. Люди, которых уже давно не было в живых, но чьи имена он обязан был знать наизусть. Вот король Альберт II, который построил первую каменную гавань. Вот королева Маргарет, почти двадцать лет управлявшая страной после смерти мужа. Вот Ричард III, погибший на охоте. А вот дед Джонатана — Адриан III. Мальчик никогда его не видел. Портрет изображал сурового мужчину с седой бородой и голубыми глазами. На голове у него была корона. Та самая. Золотая. С семью сапфирами. Джонатан остановился на секунду. Когда-нибудь, говорили ему, она будет принадлежать ему. Не скоро. Очень нескоро. Сначала королём останется отец. Потом, когда-нибудь в далёком будущем, королём станет Джонатан. Эта мысль всегда казалась ему простой. Почти скучной. Как урок арифметики. Отец — король. Он — наследник. После отца — он. Так было положено.

Джонатан уже собирался идти дальше, когда из бокового коридора появилась Марта.

Она почти столкнулась с ним.

— Ваше высочество!

Он сразу понял, что сейчас его будут ругать. Марта была невысокой женщиной лет пятидесяти, с мягким лицом и привычкой прищуриваться, когда Джонатан делал что-нибудь, что считал очень умным, а она — совершенно наоборот.

Сейчас она именно так и смотрела.

— Почему вы не в постели?

— Я проснулся.

— Вижу.

— Колокола звонят.

— И поэтому вы решили пройтись по дворцу?

— Я ищу тебя.

— Правда?

Джонатан немного помолчал.

— Сначала да.

Марта скрестила руки.

— А потом?

— Потом понял, что мама рождает.

Она вздохнула.

— Кто вам сказал?

- Никто.
- Тогда откуда...
- Все бегут к её комнатам.

Марта посмотрела на него с тем выражением, которое обычно означало, что Джонатан опять оказался наблюдательнее, чем ей хотелось бы.

- Вам нужно вернуться в спальню.
- Но я хочу увидеть.
- Сейчас нельзя.
- Почему?
- Потому что нельзя.
- Это не объяснение.
- Иногда это очень хорошее объяснение.

Джонатан поднял подбородок.

- Я наследный принц.
- Вы наследный принц, которому шесть лет и который стоит посреди холодного коридора босиком.

Он опустил взгляд. Только сейчас понял, что действительно забыл надеть туфли.

- Я недолго.
- Конечно.
- Я просто посмотрю.
- На что?

Джонатан задумался.

- На брата.
- Или сестру.
- На брата.
- Вы не можете знать.
- Я хочу брата.
- Это не одно и то же.

Джонатан упрямо посмотрел на неё.

- Отец тоже хочет сына.

Марта неожиданно стала серьезнее.

- Ваш отец прежде всего хочет, чтобы ваша мать была здорова.

Джонатан замолчал. Этого он почему-то не учитывал. На мгновение в животе стало неприятно.

- С мамой всё хорошо?
- Насколько мне известно, да.
- Точно?
- Лекарь с ней. И король тоже.

Мальчик продолжал смотреть на неё.

- А если что-то случится?
- Не случится.

Она сказала это слишком быстро. Джонатан заметил. Он всегда замечал, когда взрослые пытались скрыть тревогу.

- Ты не знаешь.

Марта опустила перед ним на колени. Теперь их глаза были почти на одном уровне.

- Ваше высочество, рождение ребёнка — дело непростое. Но ваша мать сильная женщина. Рядом лучшие лекари Альфии. А вы сейчас ничем не сможете помочь ей, кроме одного.
- Чем?
- Вернуться в свою комнату и не заставлять всех искать ещё и вас.

Джонатан задумался. Это было разумно. Но очень неудобно. Он уже почти согласился. И именно в этот момент из дальнего конца коридора донёсся крик. Не громкий. Но достаточно отчётливый. Джонатан побледнел.

— Мама?

Марта быстро взяла его за плечи.

— Всё хорошо.

— Это была она.

— Всё хорошо.

— Она кричала.

— Потому что ей больно.

— Ты сказала...

— Я сказала, что всё идёт как должно.

Он снова посмотрел в сторону королевских покоев. Теперь уже совсем не хотел возвращаться.

— Я останусь здесь.

— Джонатан.

— Я не буду мешать.

— Вы не можете стоять в коридоре всю ночь.

— Могу.

— Нет.

— Могу.

— У вас замёрзнут ноги.

— Мне всё равно.

Марта долго смотрела на него. Потом вздохнула.

— Хорошо.

Джонатан сразу оживился.

— Правда?

— Но вы сядете в малой гостиной. И наденете обувь. И если я скажу вернуться в комнату, вы вернётесь.

— Обещаю.

Марта подняла бровь.

— Настоящее обещание?

Джонатан колебался.

— Настоящее.

— Тогда идём.

Малая гостиная находилась недалеко от покоев королевы. Обычно там ожидали придворные дамы или послы, если король принимал их неофициально. Сейчас комната была почти пустой. Горел камин. У стены стоял длинный диван. На столе лежали несколько книг, которых Джонатан никогда раньше не видел. Марта принесла ему тёплые носки и мягкие домашние туфли.

— Сидите здесь.

— А ты куда?

— Мне нужно помочь.

— Чем?

— Тем, чем взрослые помогают, пока маленькие принцы задают вопросы.

— Я не маленький.

— Конечно.

Она ушла. Джонатан остался один. Сначала он сидел спокойно. Потом начал считать удары колоколов. На двадцать третьем сбился. Потом подошёл к окну. Из гостиной было видно

часть столицы. Ночью город казался другим. Тёмные крыши сливались друг с другом. На улицах двигались огоньки фонарей. Где-то далеко, у реки, горели сторожевые башни. Но больше всего света было здесь, во дворце. Почти каждое окно восточного крыла светилося.

Джонатан прижал ладони к холодному стеклу. Где-то там, за стеной, появлялся на свет его брат. Или сестра. Он всё ещё надеялся на брата. Брата можно будет научить ездить верхом. Играть в солдат. Стрелять из маленького лука. Они смогут вместе бегать по саду. Он покажет ему тайный проход за старой библиотекой, который обнаружил прошлой весной. Если родится сестра, конечно, всё это тоже можно будет показать. Но брат всё равно казался интереснее. Джонатан вернулся к дивану. Через несколько минут лёг. Потом сел. Потом снова встал. Время двигалось невероятно медленно. Наконец дверь открылась. Джонатан вскочил. Но вошла не Марта. Это был один из королевских камердинеров. Он даже удивился, увидев принца.

— Ваше высочество?

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда почему ты здесь?

— Мне велели принести его величеству плащ.

— Зачем ему плащ в комнате?

Камердинер моргнул.

— Не знаю, ваше высочество.

— А ребёнок родился?

— Пока нет.

Джонатан разочарованно сел.

— Долго.

Камердинер едва заметно улыбнулся.

— Иногда королевским детям тоже требуется время.

— Я быстро родился?

— Этого я не знаю.

— Марта говорит, что я всё делал быстро.

— Тогда, вероятно, да.

Камердинер поклонился и вышел. Джонатан снова остался один. Через некоторое время он всё-таки начал засыпать. Голова клонилась к плечу. Глаза закрывались. Колокола давно замолчали. Остались только редкие шаги за дверью и шелест ветра за окнами. Он уже почти провалился в сон, когда вдруг услышал звук. Тонкий. Резкий. Совершенно новый. Джонатан открыл глаза. Сначала решил, что ему показалось. Потом звук повторился. Детский плач. Он вскочил настолько быстро, что едва не упал. Несколько секунд просто стоял. Плач раздался снова.

Точно.

Не взрослый голос.

Не крик матери.

Ребёнок.

Джонатан подбежал к двери и распахнул её. Коридор был полон людей. Но теперь все улыбались. Служанка у стены вытирала глаза. Один из гвардейцев что-то тихо сказал другому. Марта шла к нему быстрым шагом. Джонатан посмотрел на неё.

— Родился?

Она улыбнулась.

— Родился.

— Кто?

Марта не успела ответить. В конце коридора открылась дверь. Появился король Адриан.

Джонатан видел отца тысячи раз. На официальных церемониях. На охоте. За столом. В тронном зале. На военном смотре. Обычно король выглядел так, будто всё вокруг происходило именно так, как он и ожидал. Но сейчас он был совсем другим. Белая рубашка была расстёгнута у воротника. Волосы растрёпаны. Лицо усталое. И при этом он улыбался так широко, как Джонатан ещё никогда не видел. Король заметил сына.

— Ты всё ещё здесь?

Джонатан кивнул.

— Я ждал.

Адриан подошёл.

— Марта разрешила?

— Почти.

Марта кашлянула. Король посмотрел на неё.

— Это означает «нет», я полагаю.

— Это означает, что его высочество умеет очень долго спорить.

— Семейная черта.

Джонатан уже не мог терпеть.

— Папа.

— Да?

— Кто родился?

Король нарочно выдержал паузу. Джонатан нахмурился.

— Папа.

Адриан улыбнулся ещё сильнее.

— У тебя брат.

Мальчик замер.

— Правда?

— Правда.

— Младший?

Король рассмеялся.

— Другого варианта сейчас быть не могло.

— Он здоров?

Адриан кивнул.

— Здоров.

— А мама?

Улыбка короля стала мягче.

— Устала. Но с ней всё хорошо.

Только тогда Джонатан полностью выдохнул. Он сам не замечал, как сильно переживал.

— Можно его увидеть?

— Сейчас?

— Сейчас.

— Ты даже не спросишь, как его назвали?

Джонатан задумался.

— Потом.

— Понятно.

Король протянул руку.

— Идём.

Джонатан сразу вложил свою ладонь в отцовскую.

Они пошли по коридору.

Слуги кланялись. Кто-то поздравлял короля. Кто-то улыбался Джонатану. А он почти ничего не замечал. Ему хотелось только одного. Увидеть человека, который ещё несколько часов назад вообще не существовал в его мире.

В покоях королевы пахло свечами, травами и чем-то горьким, лекарственным. У камина стояла женщина в сером платье и что-то складывала в корзину. На столе лежали полотенца. Несколько служанок тихо разговаривали у двери. Джонатан вошёл вслед за отцом. Первым делом посмотрел на мать. Королева Элеонора лежала среди высоких подушек. Она выглядела очень уставшей. Гораздо уставшей, чем после долгих государственных праздников, которые Джонатан ненавидел почти так же сильно, как уроки танцев. Её волосы были распущены. Лицо бледное. Но она улыбнулась, когда увидела сына.

— Вот и он.

Джонатан сразу подошёл ближе.

— Тебе лучше?

— Намного.

— Точно?

— Точно.

Он всё ещё смотрел с подозрением. Элеонора протянула руку. Джонатан взял её.

— Ты напугала меня.

Королева чуть удивилась.

— Чем?

— Кричала.

Она посмотрела на мужа. Адриан отвернулся, скрывая улыбку.

— Иногда, Джонатан, дети появляются на свет не очень тихо.

— Я тоже так родился?

— Ты кричал громче меня.

— Неправда.

— Ещё как правда.

— Я был ребёнком.

— А теперь ты, конечно, очень взрослый.

— Мне шесть.

— Именно.

Джонатан хотел ответить, но вдруг снова услышал тихий звук. Совсем рядом. Он повернул голову. Возле кровати стояла небольшая колыбель. Светлое дерево. Белая ткань. На спинке был вырезан герб дома Астерион. Лев под семиконечной звездой. Джонатан отпустил руку матери. Подошёл ближе. И остановился. Внутри лежал его брат. Первое, что Джонатан подумал:

«Он очень маленький».

Намного меньше, чем представлялось. За последние месяцы в его воображении брат почему-то уже выглядел как мальчик лет трёх или четырёх. Тот, с которым можно разговаривать. Которому можно показать игрушки. Который сможет хотя бы сидеть. Этот же был совсем крошечным. Красноватое лицо. Закрытые глаза. Несколько тёмных волосков. Он был завернут в белое одеяло почти до самого подбородка. Джонатан долго смотрел.

— Это он?

— Он, — ответила мать.

— Почему такой маленький?

— Потому что только что родился.

— Я тоже был таким?

— Ещё меньше.

Джонатан недоверчиво посмотрел на неё.

— Нет.

— Да.

— Я не мог быть таким маленьким.

Король подошёл сзади.

— Мог. Я видел.

Джонатан снова посмотрел в колыбель.

— А когда он вырастет?

— Не сегодня, — сказала Элеонора.

— Я знаю.

Он задумался.

— А завтра?

Король рассмеялся.

— Чуть-чуть.

— А через неделю?

— Чуть больше.

— А когда сможет со мной играть?

— Придётся подождать.

Джонатан тяжело вздохнул. Ожидание ему уже надоело. Он снова наклонился.

— Можно потрогать?

— Осторожно, — сказала мать.

Джонатан протянул палец. Некоторое время не решался. Потом осторожно коснулся маленькой ладони. И тут произошло то, чего он совершенно не ожидал. Младенец разжал кулак. Его крошечные пальцы сомкнулись вокруг пальца Джонатана. Мальчик застыл.

— Папа.

— Вижу.

— Он меня держит.

— Да.

— Зачем?

— Может быть, боится, что ты уйдёшь.

Джонатан посмотрел на брата. Он почему-то сразу стал казаться немного менее чужим.

— Он знает, кто я?

— Пока нет, — сказала Элеонора.

— Почему?

— Потому что ему всего несколько часов.

Джонатан нахмурился. Потом наклонился чуть ближе.

— Я Джонатан.

Ответа не было.

— Твой брат.

Младенец продолжал спать.

— Старший.

Король усмехнулся.

— Очень важное уточнение.

— Конечно важное.

Джонатан говорил совершенно серьёзно.

— Я буду королём после папы.

Элеонора посмотрела на мужа.

— Он решил сразу объяснить ребёнку порядок престолонаследия.

— Лучше раньше, чем позже, — сказал Адриан.

Для короля это была всего лишь шутка. Лёгкая. Семейная. Такая, какую забывают через несколько минут. Но Джонатан посмотрел на брата и продолжил:

— А ты будешь принцем.

Он задумался.

— И можешь жить здесь.

— Какая щедрость, — заметила мать.

— Конечно может.

Джонатан чуть сильнее выпрямился.

— Я ему покажу дворец.

— Когда он научится ходить.

— Я могу носить его.

— Нет, — одновременно сказали оба родителя.

Джонатан обиженно посмотрел на них.

— Я осторожно.

— Всё равно нет.

— А потом?

— Потом посмотрим.

Он снова перевёл взгляд на ребёнка.

— Я покажу тебе сад.

Младенец тихо вздохнул.

— И конюшню.

Ещё один вздох.

— И комнату с доспехами.

— Только с кем-нибудь из взрослых, — заметил король.

— И северную башню.

— В северную башню тебе самому нельзя.

Джонатан сделал вид, что не услышал.

— А ещё у меня есть деревянный меч. Я отдам тебе старый, когда ты подрастёшь.

Элеонора улыбалась. Она молча наблюдала за старшим сыном. Ещё утром Джонатан был единственным ребёнком в семье. Теперь всё изменилось. Но королева не видела в его лице ревности. Только любопытство. И странную, почти взрослую серьёзность.

— А как его зовут? — наконец спросил Джонатан.

Адриан подошёл к кровати.

— Мы назвали его Грэгори.

Джонатан медленно повторил:

— Грэгори.

Имя было длинным. Он сказал ещё раз:

— Грэгори.

Потом покачал головой.

— Грэг.

Король пожал плечами.

— Можно и Грэг.

— Нет.

Джонатан подумал ещё немного.

— Грэгги.

Элеонора улыбнулась.

— Грэгги?

— Пока маленький.

— А когда станет большим?

— Тогда Грэг.

— Справедливо.

Джонатан снова посмотрел на младшего брата.

— Грэгги.

Будто услышав имя, ребёнок чуть пошевелился. Джонатан тут же оживился.

— Видели?

— Что?

— Он понял.

— Думаю, он просто просыпается.

— Нет. Он понял.

Джонатан был уверен. Маленькие пальцы всё ещё держали его.

— Я буду тебя защищать, — тихо сказал он.

В комнате стало немного тише. Элеонора посмотрела на сына.

— От кого?

Джонатан пожал плечами.

— От всех.

Король улыбнулся.

— От всего мира?

— Если надо.

— Очень серьёзная обязанность.

— Я наследник.

— Это всё объясняет.

Джонатан не понял, шутит отец или нет. Да ему было и неважно. Он смотрел на Грэгги.

Сейчас ему казалось совершенно естественным, что именно он должен защищать этого маленького человека. Он старше. Значит, сильнее. Он знает дворец. Знает, где нельзя бегать. Знает, каких собак лучше не гладить. Знает, что на кухне можно попросить сладкие булочки у повара Томаса, если тот в хорошем настроении. А Грэгги пока не знал ничего. Значит, Джонатан должен был научить его всему. Так было правильно. Так было просто.

В шесть лет мир вообще казался Джонатану довольно простым. Отец был королём. Мать — королевой. Он — наследником. Грэгги — его младшим братом. И если кто-нибудь когда-нибудь попытается обидеть Грэгги, Джонатан просто встанет между ними. Тогда ему ещё не приходило в голову, что однажды человеком, от которого придётся защищать младшего принца, может оказаться он сам.

За окном снова ударил колокол. На этот раз один. Потом второй. Потом третий. Но теперь Джонатан уже знал, что они означают. По всей столице открывались окна. Глашатаи готовились выйти на площади. В королевской типографии спешно набирали текст указа. Через несколько часов гонцы отправятся на север, на юг и к морским портам.

К вечеру новость узнают в самых дальних землях Альфии. У короля Адриана IV родился второй сын. Принц Грэгори Астерион. Второй мальчик королевской крови. Второй сын. Второй в очереди на престол. Но пока эти слова ещё ничего не значили для Джонатана. Для него в колыбели лежал не второй претендент на корону. Не возможный соперник. Не имя в законах о наследовании. Там лежал просто Грэгги. Его младший брат. И Джонатан улыбался.

Глава 2. Джони

Три года для взрослого человека могли пройти почти незаметно, но для ребёнка три года были целой жизнью, и за это время королевский дворец Альфии успел измениться для Джонатана сильнее, чем ему когда-либо казалось возможным. Ему исполнилось девять, он стал выше, научился уверенно держаться в седле, перестал путать имена большинства членов Королевского совета и уже мог почти час заниматься фехтованием, не жалуясь наставнику на усталость. Однако главным изменением были не уроки, не новые обязанности наследника и даже не то, что отец впервые начал приглашать его присутствовать на некоторых официальных приёмах. Главным изменением был маленький человек, который за эти три года каким-то непостижимым образом умудрился занять почти всё свободное пространство в жизни Джонатана. Грэг научился ходить позже, чем хотел его старший брат, зато, научившись, сразу будто решил наверстать упущенное и теперь почти никогда не передвигался спокойно. Он бегал. Он спотыкался. Он вставал. Он снова бежал. Он появлялся в тех комнатах, куда его никто не приглашал, прятался за шторами, забирался под столы во время семейных завтраков, таскал деревянных солдатиков Джонатана и, что особенно раздражало старшего принца, совершенно не признавал существования закрытых дверей. Впрочем, если бы кто-нибудь спросил Джонатана, хотел ли он вернуть те тихие времена, когда в соседних покоях не раздавался детский смех, он бы, скорее всего, возмутился самим вопросом. Грэг был шумным, упрямым, любопытным и обладал удивительным талантом превращать любую спокойную минуту в небольшое происшествие, но именно поэтому дворец теперь казался Джонатану более живым. Он уже почти не помнил младшего брата тем крошечным свёртком из белых одеял, который когда-то сжимал его палец маленькой ладонью. Теперь Грэг был настоящим мальчиком с тёмными выющимися волосами, большими серо-голубыми глазами и привычкой смотреть на Джонатана так, будто тот знал ответы вообще на все вопросы мира. И был ещё один факт, который Джонатан старательно делал вид, что его раздражает, хотя в глубине души ужасно им гордился. Первым именем, которое Грэг научился произносить по-настоящему отчётливо, оказалось не «мама», не «папа» и даже не его собственное имя. Это было имя старшего брата. Правда, произносил он его совершенно неправильно. Для всех остальных наследный принц оставался Джонатаном, для родителей иногда Джоном, для наставников — вашим высочеством, а для Грэга он с тех пор был только одним человеком. Джони.

В первый раз это произошло ранним весенним утром, когда Грэгу было чуть больше года, и Джонатан до сих пор помнил тот день во всех подробностях, хотя никому не признавался, насколько важным он для него оказался. Королева сидела у открытого окна семейной гостиной и читала письмо, король просматривал какие-то государственные бумаги, а Грэг находился на ковре среди деревянных кубиков и изо всех сил пытался построить башню, которая упорно разрушалась после третьего этажа. Джонатан в тот день собирался на урок верховой езды и вошёл в комнату только для того, чтобы попрощаться с матерью, но Грэг заметил его раньше всех. Мальчик бросил кубик, поднялся, качнулся и, расставив руки для равновесия, пошёл к брату. Джонатан остановился возле двери и улыбнулся.

— Ну куда ты? — спросил он, наблюдая за неуверенными шагами.

Грэг ничего не ответил и продолжил идти. На половине пути он чуть не упал, но каким-то чудом удержался, а потом вдруг широко улыбнулся и совершенно отчётливо сказал:

— Джони.

Король перестал читать. Королева медленно опустила письмо. Джонатан моргнул, потому что сначала решил, что ослышался.

— Что? — спросил он. Грэг сделал ещё несколько шагов и повторил, уже громче:

— Джони!

— Это он меня? — Джонатан посмотрел на мать. Элеонора рассмеялась.

— Похоже на то.

— Но меня зовут Джонатан.

— Объясни это человеку, которому четырнадцать месяцев.

— Джо-ни, — упрямо повторил Грэг и наконец дошёл до брата, после чего обеими руками ухватился за его колени. Джонатан посмотрел вниз. Ему следовало исправить младшего брата. Возможно, даже несколько раз произнести своё имя медленно и правильно, как это делали учителя. Вместо этого он присел, поднял Грэга на руки и сказал:

— Хорошо. Только тебе можно.

Грэг немедленно положил голову ему на плечо, словно договор был заключён окончательно. Король Адриан наблюдал за ними поверх бумаг и усмехнулся.

— Вот и всё, наследник. Теперь у тебя появилось новое имя.

— Только для него, — строго уточнил Джонатан.

— Если ты меня так назовёшь, я не отвечу.

— Разумеется, Джони.

— Папа! — возмутился Джонатан, а королева рассмеялась так громко, что Грэг тоже начал смеяться, хотя совершенно не понимал причины. С того утра прозвище осталось, но удивительным образом действительно принадлежало только одному человеку. Даже Элеонора, когда хотела подразнить старшего сына, редко позволяла себе его употреблять. Грэг же произносил «Джони» десятки раз в день, иногда радостно, иногда требовательно, иногда сонно, иногда со слезами, но всегда с такой уверенностью, словно никакого другого имени у его брата никогда и не существовало.

К трём годам Грэг окончательно решил, что главная задача его жизни состоит в том, чтобы находиться рядом с Джонатаном везде, где это хотя бы теоретически возможно, и отсутствие согласия самого Джонатана никак не влияло на этот план. Если старший брат шёл в сад, Грэг хотел идти в сад. Если Джонатан направлялся к конюшням, через несколько минут маленький принц уже стоял у дверей детской и требовал у няни сапоги. Если наследник занимался с учителем географии, Грэг мог каким-то образом проникнуть в классную комнату, забраться на соседний стул и с чрезвычайно серьёзным видом рассматривать карту, перевёрнутую вверх ногами. Особенно тяжело Джонатану приходилось во время занятий фехтованием. По правилам Грэга туда не пускали, но он быстро обнаружил небольшую галерею над тренировочным залом, откуда было видно почти всю площадку. Слуги несколько раз снимали его оттуда. Потом поставили возле лестницы охранника. Грэг нашёл другую лестницу. После этого король Адриан, узнав о происходящем, неожиданно приказал просто разрешить младшему сыну присутствовать на уроках при условии, что тот будет сидеть тихо и не мешать. Первое условие Грэг соблюдал примерно две минуты.

— Джони! — раздалось сверху, когда Джонатан выполнял выпад. Он дёрнулся и едва не получил деревянным тренировочным мечом по плечу. Сэр Эдмунд Рей, его наставник, остановил движение в последний момент.

— Ваше высочество, — невозмутимо сказал он, — если противник на поле боя когда-нибудь закричит вам «Джони», настоятельно рекомендую не поворачиваться. Джонатан покраснел. С галереи раздалось счастливое:

— Джони победил!

— Я ещё даже не сражался, — крикнул он.

— Победил! — повторил Грэг. Сэр Эдмунд посмотрел наверх.

— У вас исключительно преданный болельщик.

— Он ничего не понимает.

— Ему три года.

— Именно.

— А я бы не недооценивал человека, который уже дважды обошёл дворцовую охрану ради того, чтобы попасть сюда.

Джонатан хотел возразить, но не нашёл подходящих слов. Поэтому просто снова поднял меч. Грэг действительно ничего не понимал в фехтовании, однако хлопал после каждого удачного движения старшего брата и возмущённо молчал всякий раз, когда преимущество получал сэр Эдмунд. В конце урока Джонатан был весь в поту и мечтал только о воде, но первым делом поднялся на галерею. Грэг встретил его с таким выражением, будто наблюдал не тренировку девятилетнего мальчика, а величайшую битву в истории Альфии.

— Ты видел? — спросил Джонатан. Грэг энергично кивнул.

— Я победил?

— Да.

— Я вообще-то проиграл три раза. Младший брат подумал и повторил:

— Джони победил.

Джонатан рассмеялся и взъерошил ему волосы. Ему нравилась эта детская уверенность гораздо больше, чем он был готов признать. Иногда Джонатан пытался объяснить Грэгу, что существовали места и дела, куда младшему брату действительно нельзя было его сопровождать, и однажды такой разговор произошёл перед уроком истории. Джонатан уже почти опаздывал, потому что утром слишком долго выбирал между двумя камзолами, а Грэг в это время преследовал его от самого семейного крыла.

— Джони, я с тобой, — заявил он

— Нет.

— Я тихо.

— Ты не умеешь тихо.

— Умею.

— Вчера ты уронил чернильницу на карту восточных провинций.

— Она сама.

— Чернильницы обычно не прыгают со стола.

— Прыгают.

— Эта новая информация наверняка заинтересует Королевскую академию.

Грэг не понял насмешки и продолжил идти. Они миновали галерею предков, спустились по широкой лестнице и оказались возле учебных комнат.

— Джони, пожалуйста.

— У меня история.

— Я тоже история.

— Что?

— Я тоже учить.

— Ты букв половину не знаешь.

— Знаю.

— Какие?

Грэг задумался.

— Г.

— Ещё?

— Д.

— Почему именно эти?

— Г — Грэг. Д — Джони.

Джонатан остановился.

— В слове «Джони» вообще-то первая буква «Дж», но... Ладно, неважно.

— Я учиться, Джони

— Когда тебе будет шесть.

— Долго.

— Очень.

Грэг нахмурился так серьёзно, словно старший брат сообщил ему о десятилетней войне. Потом схватил Джонатана за руку обеими ладонями.

— Я буду рядом.

— Зачем?

— Чтобы Джони не был один.

Фраза прозвучала настолько просто, что Джонатан на мгновение перестал улыбаться. Быть одному он вовсе не боялся. С раннего детства его учили, что будущему королю вообще нельзя бояться одиночества, потому что иногда решение приходится принимать без помощи остальных. Но мысль Грэга была другой. Для младшего брата сам факт того, что Джонатан где-то находится один, уже представлялся достаточной причиной пойти вместе с ним.

— Хорошо, — наконец сказал Джонатан.

— Пять минут.

— Весь урок.

— Пять.

— Весь.

— Грэгги.

— Джони.

Они посмотрели друг на друга. Джонатан первым сдался.

— Половину.

Грэг немедленно улыбнулся. В результате он просидел весь урок на соседнем стуле, раскрашивая углём край старого пергамента, а учитель истории господин Альбер пытался сделать вид, будто присутствие трёхлетнего принца никак не мешает рассказу о Войне четырёх герцогов. Когда же преподаватель упомянул, что один из герцогов предал родного брата ради наследства, Грэг поднял голову и неожиданно спросил:

— Зачем?

Господин Альбер замолчал.

— Что зачем, ваше высочество?

— Брата зачем?

Джонатан тоже посмотрел на учителя. Тот некоторое время подбирал слова.

— Иногда люди хотят власти сильнее, чем любят родных.

Грэг нахмурился, очевидно не понимая подобной возможности. Потом придвинулся ближе к Джонатану и положил голову ему на плечо.

— Глупый герцог, — заключил он.

Джонатан тихо усмехнулся. Господин Альбер тоже улыбнулся и продолжил урок. Никто из них тогда не придал этой короткой фразе никакого значения.

Детство принцев проходило в мире, который для них был ограничен высокими стенами дворца, садом, конюшнями, часовней, учебными залами и несколькими улицами столицы, по которым их иногда провозили в закрытой карете. Джонатан уже начинал понимать, что за этими стенами существовало огромное королевство с сотнями городов, тысячами деревень, портами, дорогами, шахтами, полями и людьми, большинство которых никогда не увидят своего короля с расстояния ближе нескольких десятков шагов. Он изучал карты Альфии и постепенно запоминал названия провинций. Северный Рейд славился железом и суровыми зимами. Южный Лоран выращивал виноград и зерно. Западные берега жили морем. Восток соприкасался с соседним королевством Вальдерией и поэтому содержал больше крепостей, чем все остальные области вместе взятые. Джонатан должен был знать всё это, потому что когда-нибудь каждая точка на карте формально станет частью его ответственности. Грэг же пока воспринимал королевство иначе. Для него Альфия начиналась спальней родителей, продолжалась ком-

натой Джонатана, потом превращалась в огромный сад и где-то далеко заканчивалась воротами дворца. Однажды братья сидели возле пруда и кормили лебедей, когда Грэг спросил:

— А где Альфия?

Джонатан сначала решил, что младший брат шутит.

— Здесь.

— Где?

— Везде.

— В саду?

— Сад тоже Альфия.

— А дворец?

— Да.

— А кухня?

— Конечно.

— А комната Марты?

— И она.

Грэг задумался.

— А за воротами?

— Там тоже Альфия.

— Большая?

— Очень большая.

— Больше дворца?

Джонатан рассмеялся.

— В тысячи раз.

Грэг посмотрел на каменные стены так, будто впервые осознал, что за ними может находиться что-нибудь существенное.

— И всё твоё? — спросил он.

Джонатан перестал смеяться. Формально вопрос был детским, но он вспомнил слова наставников: однажды вы будете государем всей Альфии.

— Когда стану королём, — ответил он.

— Значит твоё.

— Не совсем.

— Почему? Джонатан опять задумался.

Ему самому ещё было трудно сформулировать, кому принадлежит королевство.

— Король не владеет людьми, — повторил он одну из фраз отца.

— Он отвечает за них.

— За всех?

— За всех.

— Много.

— Очень.

Грэг немного подумал, потом взял с травы кусочек хлеба и бросил лебедям.

— Я помогу.

— В чём?

— Отвечать.

— Это не так работает.

— Почему?

— Потому что королём буду я.

Грэг посмотрел на него совершенно спокойно.

— А я буду с Джони.

Джонатан улыбнулся. Тогда это прозвучало как самая естественная вещь на свете. Король Адриан действительно постепенно начинал готовить старшего сына к будущему, хотя старался не превращать его детство исключительно в бесконечную череду обязанностей. По воскресеньям после службы он иногда брал Джонатана с собой в кабинет, усаживал в кресло возле окна и разрешал слушать разговоры с министрами, если обсуждаемые вопросы не касались войны или преступлений. Джонатан поначалу ужасно скучал. Взрослые могли почти час спорить о стоимости ремонта какого-нибудь моста, потом ещё столько же обсуждать количество зерна в северных хранилищах, а затем перейти к пошлинам на древесину, и всё это совершенно не походило на истории о великих королях, которые ему читали в книгах. В книгах правители сражались с врагами, заключали союзы и произносили речи. В настоящей жизни отец в основном подписывал документы. Однажды Джонатан прямо спросил, когда начинается интересная часть королевской работы. Адриан рассмеялся.

— Вот она.

— Это?

— Да.

— Мосты?

— Особенно мосты.

— Но в хрониках про это не пишут.

— Поэтому хроники иногда вредны для будущих королей.

Джонатан не понял. Отец отложил перо и посмотрел на него серьёзнее.

— Запомни одну вещь. Когда-нибудь тебе будут рассказывать, что корона — это власть. Отчасти это правда. Но гораздо больше корона означает ответственность за скучные вещи, которые никто не замечает, пока они работают. Мост должен стоять. Хлеб должен прибыть в город. Солдат должен получить жалованье. Судья должен рассмотреть дело. Если ты делаешь всё правильно, большинство людей даже не думают о короле. Если делаешь неправильно — начинают думать очень быстро.

Джонатан запомнил эту фразу. Не до конца понял, но запомнил. В тот же день в кабинет неожиданно ворвался Грэг, сумевший ускользнуть от няни. На голове у него почему-то находилась бумажная корона, которую он сделал с одной из служанок.

— Джони! — радостно сообщил он всему Королевскому совету. Министры повернули головы. Джонатан закрыл лицо ладонью.

— Грэгги, что ты здесь делаешь?

— Я король. Несколько советников улыбнулись. Адриан поднял брови.

— Вот как?

— Да.

— А я тогда кто?

Грэг серьёзно посмотрел на отца.

— Папа.

Король рассмеялся первым. Остальные последовали за ним. Грэг подошёл к Джонатану и снял бумажную корону.

— Тебе.

— Почему мне?

— Ты потом король.

Джонатан взял корону. Она была криво склеена и украшена нарисованными синими кружками вместо сапфиров.

— Очень красиво, — сказал он.

— Я помогал, — гордо ответил Грэг.

— Вижу.

— Надень.

— Здесь?

— Да.

Джонатан посмотрел на министров, потом на отца. Адриан пожал плечами.

— Я бы не рисковал спорить с человеком, который только что сместил меня с престола одним словом.

Джонатан надел бумажную корону. Грэг удовлетворённо улыбнулся и забрался к нему на соседний стул. Дальнейшие двадцать минут Королевский совет обсуждал ремонт западной дороги, пока наследник Альфии сидел в кривой бумажной короне, а его младший брат спал, положив голову ему на руку.

Почти все во дворце любили Грэга, и сначала Джонатан воспринимал это как нечто само собой разумеющееся. Младший принц был маленьким, улыбчивым и обладал редким для королевского ребёнка отсутствием страха перед незнакомыми людьми. Он разговаривал со стражниками. Знал по именам нескольких поваров. Мог остановиться посреди коридора возле старой служанки и спросить, почему она грустная. Однажды он подарил свой серебряный браслет сыну конюха только потому, что мальчик сказал, что ему нравится блестящий лев на застёжке. Браслет стоил больше, чем семья конюха зарабатывала за несколько месяцев, и управляющий дворца поднял настоящую тревогу, решив, что украшение потерялось. Когда выяснилось, что произошло, Грэга привели к отцу.

— Ты отдал браслет? — спросил король.

— Да.

— Почему?

— Он хотел.

— Если человек хочет твою вещь, это не значит, что её обязательно нужно отдать.

— Почему?

Адриан открыл рот и на несколько секунд замолчал. Джонатан, присутствовавший при разговоре, едва сдерживал смех.

— Потому что вещи имеют цену, — наконец сказал король.

— Какую?

— Деньги.

— А у нас есть деньги?

— Есть.

— Тогда всё хорошо.

Джонатан рассмеялся. Адриан посмотрел на него.

— Не помогай.

— Я молчу.

— Ты смеёшься.

— Это не то же самое.

Грэг в итоге получил браслет обратно, а сыну конюха король позволил оставить маленькую серебряную монету. История быстро разошлась по дворцу, и несколько дней слуги при появлении младшего принца улыбались особенно широко. Джонатан тоже улыбался, когда слышал её пересказ, потому что прекрасно знал: Грэг действительно не понимал, почему взрослые так усложняют очевидные вещи. Если человеку что-то нравится — подари. Если кто-то плачет — обними. Если Джони уходит — иди за Джони. В мире Грэга всё пока работало именно так.

Но у любви окружающих была особенность, которую девятилетний Джонатан начал замечать лишь постепенно. Люди любили сравнивать. Они сравнивали лошадей. Сравнивали вина. Сравнивали урожаи. Сравнивали генералов, дворцы, платья королей, старых королев и даже погоду разных лет. Поэтому рано или поздно они начали сравнивать и двух принцев. Первые такие разговоры казались совершенно безобидными. Кто-то говорил, что Джонатан похож на отца, а Грэг — на мать. Кто-то замечал, что у старшего сына характер серьезнее, а млад-

ший смеётся чаще. Придворные дамы спорили, у кого из мальчиков красивее глаза. Старые офицеры отмечали, что Джонатан держится в седле лучше многих детей старше него, а потом добавляли, что Грэг, судя по всему, тоже будет хорошим всадником. Сам Джонатан не видел в этом ничего опасного. Если ему говорили, что Грэг красивый, он соглашался. Если хвалили сообразительность младшего брата, иногда даже гордился. Однажды во время приёма пожилой граф Морлен, наблюдая, как Грэг разговаривает с иностранным послом, улыбнулся и сказал:

— У вашего брата удивительная способность располагать людей к себе, ваше высочество.

Джонатан посмотрел на четырёхлетнего мальчика, который в тот момент с величайшей серьёзностью объяснял послу, что его борода похожа на хвост любимого пони.

— Он просто много говорит, — ответил Джонатан.

— Иногда это и есть секрет дипломатии.

Джонатан усмехнулся. Граф тоже засмеялся. Разговор закончился. Однако стоявший рядом герцог Рейнальд Варен сказал как будто между прочим:

— Народ всегда особенно любит принцев, которые умеют заставить его улыбаться.

Джонатан посмотрел на него. Герцог был одним из старейших членов совета его отца и человеком, которого мальчик видел во дворце столько, сколько себя помнил.

— Это плохо? — спросил он.

— Напротив. Любовь народа чрезвычайно полезна для королевского дома.

— Тогда почему вы сказали это так странно? Варен чуть улыбнулся. — Вам показалось, ваше высочество.

После этого он поклонился и отошёл. Джонатан почти сразу забыл разговор. Почти.

Варен вообще умел произносить фразы таким образом, что они сначала казались совершенно обычными и только потом неожиданно возвращались в память. Он никогда не говорил ничего прямо. Не критиковал короля. Не обсуждал наследование. Не утверждал, что между братьями существует соперничество. Скорее наоборот, при каждой возможности подчёркивал, как прекрасно видеть такую дружную королевскую семью. Когда Джонатан и Грэг вместе появлялись на праздниках, герцог говорил, что королю исключительно повезло с сыновьями. Когда Грэг сидел рядом с братом во время турнира, Варен называл это образцом братской привязанности. Когда Джонатан однажды поднял упавшего Грэга после неудачной попытки самостоятельно оседлать маленького пони, герцог даже аплодировал вместе с остальными. И всё же иногда между этими словами появлялось что-то ещё.

— Ваш брат постоянно смотрит на вас, — сказал он Джонатану однажды.

— Потому что он маленький.

— Конечно.

— Он хочет всё делать как я.

— Это заметно.

— Мама говорит, что так бывает у младших братьев.

— Королева совершенно права.

Джонатан ожидал продолжения. Варен молчал.

— И что? — спросил принц.

— Простите?

— Вы хотели ещё что-то сказать.

— Нет, ваше высочество. Я лишь подумал, что подражание иногда является самой искренней формой восхищения.

Джонатан кивнул. Фраза ему понравилась. Он повторил её вечером Грэгу, хотя младший брат понял только половину слов. Варен в тот момент действительно не сказал ничего плохого. Возможно, он даже не вкладывал в свои слова никакого второго смысла. Но несколько дней спустя Джонатан услышал от другого дворянина:

— Принц Грэг буквально копирует наследника.

Потом ещё от кого-то:

— Второй сын всегда учится у первого.

А затем во время ужина неизвестный ему рыцарь пошутил:

— Скоро у Альфии будет два Джонатана.

Все рассмеялись. Джонатан тоже. Грэг, сидевший рядом, ничего не понял и засмеялся просто потому, что смеялся Джони.

К началу лета Грэгу исполнилось четыре года, и дворец устроил праздник, который для него оказался гораздо интереснее официального приёма в честь собственного дня рождения. Утром он получил множество подарков: маленькую саблю с затупленным лезвием, деревянный замок, набор расписных фигурок, новую одежду, серебряную чашу от одного из герцогов и даже крошечного белого пони от родителей. Однако больше всего его заинтересовал подарок Джонатана. Старший брат несколько недель тайно работал над ним вместе с дворцовым столяром и никому не рассказывал, что именно готовит. Когда Грэг вошёл в сад, возле старого дуба стояла небольшая деревянная крепость с башней, лестницей и настоящими маленькими воротами. Она была слишком мала для взрослого, но для двух мальчиков подходила идеально. На вершине развевался синий флаг с нарисованным золотым львом. Грэг остановился, открыл рот и несколько секунд вообще не говорил. Джонатан сразу начал переживать.

— Не нравится? — спросил он.

Грэг медленно повернулся.

— Это мне?

— Тебе.

— Всё?

— Да.

— Даже башня?

— Даже башня.

— И флаг?

— И флаг.

Грэг бросился на него так быстро, что Джонатан едва удержался на ногах. Младший брат обхватил его руками.

— Спасибо, Джони!

— Тише, ты меня задушишь.

— Люблю.

Джонатан замер на секунду. Грэг вообще часто говорил это слово. Матери, отцу, собаке, пони, любимой поварихе, иногда даже сладкому пирогу. Но сейчас почему-то оно прозвучало иначе.

— Я тоже тебя люблю, — негромко ответил Джонатан.

— Очень?

— Очень.

— Больше крепости?

— Я её строил для тебя, поэтому вопрос странный.

— Больше пони?

— Да.

— Больше пирога?

Джонатан сделал вид, что задумался.

— Вот тут сложно.

Грэг возмущённо ударил его ладонью по плечу. Они рассмеялись и почти весь день провели в крепости. К вечеру Джонатан придумал для неё название — Львиный бастион, — а Грэг заявил, что там будут жить только они двое.

— А мама? — спросил Джонатан.

- Иногда.
- Папа?
- Если попросит.
- Марта?
- Нет.
- Почему?
- Она заставляет спать.

Джонатан согласился, что это серьёзный недостаток. Потом Грэг вдруг сказал:

- Когда ты будешь королем, я буду тут жить.
- В деревянной крепости?
- Да.
- Думаю, отец выделит тебе комнату получше.
- Нет. Тут с Джони.

Джонатан улыбнулся. В тот день ему даже в голову не пришло, что через несколько лет слова «когда ты король» начнут звучать для него совсем иначе.

Первый настоящий государственный праздник, на котором Грэг должен был появиться рядом со всей королевской семьёй перед народом, состоялся осенью. Альфия отмечала День семи звёзд — годовщину основания династии Астерион, и по традиции король с семьёй выходил на большой балкон дворца, чтобы приветствовать жителей столицы. Джонатан участвовал в церемонии уже несколько раз и знал, насколько скучной она может оказаться. Нужно было долго стоять. Нельзя было чесать нос. Нельзя было сутулиться. Нельзя было зевать, даже если речь архиепископа продолжалась целую вечность. Грэгу всё это объясняли несколько дней, но Джонатан подозревал, что младший брат забудет половину правил сразу после выхода на балкон. Так и произошло. Когда массивные двери открылись и семья показалась перед площадью, снизу поднялся оглушительный шум. Тысячи людей приветствовали короля. Колокола звонили. Над толпой развевались синие флаги. Адриан поднял руку. Элеонора улыбалась. Джонатан встал рядом с отцом и постарался принять именно то выражение лица, которому его учили. Грэг продержался секунд пятнадцать. Потом увидел, что люди машут руками, и начал махать в ответ обеими. Толпа засмеялась. Грэг решил, что это замечательная игра, и замахал ещё энергичнее. Кто-то внизу закричал:

- Да здравствует маленький принц!

Другие подхватили.

- Принц Грэг!
- Грэгори!
- Второй принц!

Грэг сиял. Джонатан посмотрел на него и тоже улыбнулся. После церемонии они вернулись внутрь, и младший брат ещё долго рассказывал всем, сколько людей ему махало.

- Они махали всей семье, — объяснял Джонатан.
- Мне больше.
- Неправда.
- Больше.
- Ты считал?
- Да.
- Сколько?

Грэг задумался.

- Сто тысяч.
- На площади столько не помещается.
- Тогда миллион.

Джонатан рассмеялся. Позади них несколько дворян тоже улыбнулись.

— Народ явно очарован его высочеством, — произнёс граф Морлен.

— В четыре года это несложно, — ответил другой.

— Некоторые сохраняют этот талант и гораздо дольше.

Джонатан не обратил внимания. Но герцог Варен, шедший чуть позади, негромко сказал своему спутнику:

— Любовь толпы — удивительная вещь. Иногда она возникает раньше, чем человек успевает понять её ценность. Джонатан слышал только половину фразы. На этот раз она задержалась в памяти чуть дольше.

Вечером после праздника Джонатан обнаружил Грэга в своей спальне. Младший брат сидел прямо посреди кровати, обняв подушку, хотя его собственные комнаты находились через два коридора.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Джонатан.

— Жду.

— Кого?

— Тебя.

— Зачем?

— Спать.

— Твоя кровать потерялась?

— Нет.

— Тогда иди к себе.

Грэг обхватил подушку сильнее.

— Не хочу.

— Почему?

— Колокола громкие.

— Они уже перестали звонить.

— Но будут.

— Завтра утром.

— Всё равно.

Джонатан снял парадный камзол и передал его слуге.

— Ты боишься колоколов?

— Нет.

— Тогда чего?

Грэг не ответил. Джонатан подошёл ближе.

— Грэгги.

— Мне снился сон.

— Какой?

— Плохой.

— И что там было?

— Тебя не было.

Ответ прозвучал настолько тихо, что Джонатан сначала решил, будто не расслышал. — Где меня не было?

— Нигде.

— Это как?

— Я искал. Ты ушёл.

Джонатан сел рядом. Грэг тут же придвинулся.

— Это был просто сон.

— Знаю.

— Тогда почему боишься?

— Потому что вдруг настоящий.

— Я никуда не собираюсь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Грэг внимательно посмотрел ему в лицо, будто проверял искренность.

— Никогда?

Джонатан задумался только на секунду. Девятилетние дети легко обещают вечность, потому что совершенно не представляют её длину.

— Никогда.

— И когда будешь королем?

— И когда стану королём.

— Я буду рядом?

— Если будешь нормально себя вести.

— Буду.

— Сомневаюсь.

Грэг улыбнулся. Через несколько минут он уснул рядом, положив голову Джонатану на плечо. Старший брат долго смотрел в потолок. Слова Грэга казались ему немного смешными. Как можно представить дворец без себя? Он здесь родился. Здесь вырастет. Однажды станет королём. Здесь всегда будет его место. А рядом, судя по всему, всегда будет Грэгги. Джонатан закрыл глаза. Засыпая, он ещё не знал, что обещание «я никуда не уйду» однажды станет одним из самых болезненных воспоминаний их детства.

На следующее утро случилось происшествие, о котором потом почти неделю говорил весь дворец. Грэг проснулся раньше Джонатана, увидел на столе настоящую печать наследного принца и решил, что старшему брату необходима помощь с государственными делами. Он нашёл лежавший рядом лист бумаги, окунул печать в чернила вместо воска и поставил на пергаменте множество синих отпечатков. Потом добавил несколько линий углём, которые, по его словам, обозначали «важные слова», свернул бумагу и отдал первому встреченному лакею с приказом немедленно передать документ королю. Лакей, не решившись спорить со вторым принцем, действительно отнёс бумагу Адриану. Джонатан узнал об этом за завтраком. Король сидел во главе стола и с совершенно серьёзным лицом держал испорченный лист.

— Джонатан.

— Да?

— Мне поступил указ от наследника.

— Какой указ?

— Вот этот.

Джонатан посмотрел на бумагу.

— Это не моё.

— Здесь твоя печать.

— Я этого не делал.

Грэг внезапно заинтересовался кашей. Джонатан медленно повернулся к нему.

— Грэгги.

Младший брат продолжал смотреть в тарелку.

— Что?

— Ты брал мою печать?

— Нет.

— Посмотри на меня.

— Я ем.

— Грэг.

— Немножко брал.

Джонатан закрыл глаза.

— Зачем?

— Помогал.

— В чём?

— Ты спал.

Король кашлянул. Элеонора отвернулась к окну, пытаясь не смеяться.

— И что именно ты приказал? — спросил Адриан. Грэг оживился.

— Всем дать пирог.

— Всем кому?

— Всем.

— В Альфии?

— Да.

— Это довольно дорогостоящая политика.

— У нас деньги есть.

Джонатан не выдержал и рассмеялся. Король ещё несколько секунд сохранял серьёзность, потом тоже сдался. После завтрака Джонатан всё-таки объяснил брату, что брать королевские печати нельзя никогда и ни при каких обстоятельствах. Грэг обещал. Через минуту спросил, можно ли ему получить собственную.

— Зачем?

— Указы писать.

— Какие?

— Чтобы Джони отдыхал.

— Ты собираешься править вместо меня?

— Нет. Я помогать.

Джонатан усмехнулся и взъерошил ему волосы.

— Сначала научись писать. Э

тот разговор тоже услышал один из придворных. Он улыбнулся. Всё было безобидно. Всё пока оставалось безобидным.

Однако позднее в тот же день Джонатан впервые столкнулся с тем, что детская шутка может звучать иначе в устах взрослого. Он шёл из библиотеки в сопровождении наставника, когда возле колоннады встретил герцога Варена и лорда Освальда Крейна. Крейн недавно вошёл в Королевский совет и был известен тем, что почти никогда не повышал голоса. Они поклонились.

— Ваше высочество, — сказал Варен.

— Слышал, сегодня у Альфии почти появился второй правитель. Джонатан понял, о чём речь, и улыбнулся.

— Грэг испортил мою печать.

— Маленький принц проявляет государственные амбиции необычайно рано.

Крейн тихо рассмеялся. Джонатан тоже хотел рассмеяться, но слово «амбиции» почему-то не понравилось ему.

— Он просто играл.

— Разумеется.

Варен произнёс это очень быстро.

— Ему четыре.

— Конечно. В четыре года дети вообще редко задумываются о власти.

Джонатан посмотрел на герцога.

— А потом?

Варен чуть приподнял брови.

— Простите?

— Вы сказали «в четыре года».

— Я имел в виду только возраст вашего брата.

— Понятно.

Джонатан уже хотел уйти, когда Крейн добавил:

— В любом случае, вашему высочеству очень повезло. Преданный младший брат может стать лучшей опорой будущего государя.

Варен кивнул.

— Если останется преданным.

Возникла пауза. Джонатан снова посмотрел на него. Герцог улыбнулся.

— История, ваше высочество. Только история. Вы ведь наверняка уже изучали судьбу короля Армана и его брата?

— Да.

— Тогда знаете, насколько сложными порой бывают отношения внутри правящих домов.

Наставник Джонатана вмешался прежде, чем мальчик успел ответить.

— Его высочество сейчас изучает совершенно другой период.

Варен склонил голову.

— Разумеется. Не смею задерживать.

Они разошлись. Джонатан прошёл ещё несколько шагов. Потом оглянулся. Герцог и Крейн уже разговаривали о чём-то другом.

— Кто такой король Арман? — спросил Джонатан наставника. Мужчина помолчал.

— Правитель, живший двести лет назад.

— Что сделал его брат?

— Попытался захватить престол.

— Почему?

— Такие вещи редко имеют одну причину.

— Он убил Армана?

— Нет. Заговор раскрыли.

— А что стало с братом?

— Его отправили в изгнание.

Джонатан некоторое время шёл молча. Потом спросил:

— Почему герцог Варен рассказал мне это?

Наставник посмотрел на него.

— Иногда взрослые говорят больше, чем следует.

— Он думает, Грэг такой?

— Ваш брат четырёхлетний ребёнок.

— Я знаю.

— Тогда забудьте этот разговор.

Джонатан кивнул. Он действительно собирался забыть. И почти забыл, пока вечером не увидел Грэга сидящим на полу его комнаты с бумажной короной на голове.

В ту ночь Джонатан впервые посмотрел на младшего брата чуть дольше обычного. Не со страхом. Даже не с подозрением. Скорее с новым, непонятным любопытством, которое ему самому показалось неприятным. Грэг совершенно ничего не замечал. Он строил из деревянных солдат крепость и тихо разговаривал с собой, распределяя фигурки по стенам.

— Этот Джони, — объяснил он, поставив самого большого синего солдатики на башню.

— А этот я.

Рядом появился маленький серебристый воин.

— Почему ты меньше? — спросил Джонатан.

— Я маленький.

— Логично.

— Этот папа.

— Почему папа стоит за стеной?

— Он поздно пришёл.

Джонатан усмехнулся. Грэг добавил ещё одну фигурку.

— А это плохой.

— Почему он плохой?

— Хочет крепость.

Джонатан почему-то вспомнил Варена.

— И что он сделает?

— Ничего.

— Почему?

Грэг удивлённо посмотрел на него.

— Джони тут.

Ответ был настолько искренним, что внутри у Джонатана что-то неприятно сжалось. Он сел на пол рядом.

— А если плохой окажется сильнее Джони?

— Не будет.

— Почему?

— Потому что ты самый сильный.

— Я проигрываю сэру Эдмунду почти каждый день.

— Он взрослый.

— А когда-нибудь встретится взрослый плохой человек.

Грэг задумался над сложностью задачи. Потом взял маленькую фигурку, изображавшую себя, и поставил рядом с Джонатаном.

— Тогда я помогу.

Джонатан улыбнулся.

— Ты же маленький.

— Вырасту.

— А если захочешь крепость себе?

Грэг нахмурился.

— Зачем?

— Просто представь.

— У меня есть моя.

— А если захочешь эту?

— Ты дашь.

— А если не дам?

Грэг посмотрел на него так, словно Джонатан специально задавал очень глупые вопросы.

— Тогда не надо.

Он взял фигурку плохого человека и отбросил её в сторону.

— Играй нормально, Джони.

Джонатан рассмеялся. Странное чувство исчезло так же быстро, как возникло. Он помог брату перестроить крепость и через десять минут уже совсем не думал о короле Армане. Но где-то глубоко внутри осталось крошечное знание, которого вчера ещё не существовало. В истории младшие братья иногда действительно пытались забрать трон у старших.

Прошло несколько месяцев, и зима накрыла Альфию ранним снегом. Для столицы это было необычно. Обычно холод приходил только к середине сезона, но в тот год белые хлопья начали падать уже в конце ноября, и к утру весь дворцовый сад оказался покрыт снегом. Грэг увидел его впервые в сознательном возрасте и пришёл в полный восторг. Он ворвался в спальню Джонатана ещё до рассвета, забрался на кровать и начал трясти старшего брата за плечо.

- Джони!
- М-м.
- Джони!
- Что случилось?
- Там всё белое!
- Что?
- Мир.
- Джонатан открыл один глаз.
- Какой мир?
- Весь.
- Грэгги, сейчас утро?
- Да.
- Тогда дай мне поспать спокойно ещё хотя бы час.
- Нельзя.
- Почему?
- Мир белый.

Через несколько минут Джонатан всё-таки встал. Они оделись и выбежали в сад раньше, чем слуги успели нормально подготовить дорожки. Грэг сделал три шага по снегу, поскользнулся и упал. Джонатан рассмеялся. Младший брат немедленно набрал горсть снега и бросил в него. Так началась война. Через десять минут оба были мокрыми. Через двадцать к ним присоединились двое сыновей придворных. Через полчаса появился король и спросил, почему наследник Альфии строит снежную стену непосредственно перед входом в королевскую часовню.

- Оборона, — ответил Джонатан.
- От кого?
- От Грэга.
- Грэг выглянул из-за другой стены.
- Джони плохой!
- Это государственная измена, — заметил Адриан.
- Чья?
- Пока не решил.

Элеонора вышла следом и приказала всем немедленно вернуться внутрь, пока ни один принц не заболел. Джонатан подчинился. Грэг попытался спрятаться за кустом. Его обнаружили по следам. Позже братья сидели возле камина, завернувшись в одеяла, и пили горячее молоко. Грэг положил ноги Джонатану на колени.

- Я победил.
- Ты прятался в кустах.
- Победил.
- Я захватил твою крепость.
- Потом я обратно.
- Тебя мама унесла.
- Всё равно.

Джонатан рассмеялся. Эта зима стала одной из самых счастливых в его детстве. Спустя много лет он будет вспоминать именно такие дни чаще официальных праздников, уроков и церемоний. Снег. Камин. Грэг рядом. И абсолютная уверенность, что никакая корона никогда не окажется важнее этого.

Весной произошёл случай, после которого Джонатан впервые по-настоящему испугался за брата. Грэг давно хотел ездить на большой лошади и считал своего маленького пони оскорбительно детским. Все отвечали отказом. Тогда он решил, что проще всего доказать собственную

готовность самостоятельно. Рано утром, когда конюхи занимались кормлением, Грэг проник в стойло одной из спокойных кобыл и попытался взобраться в седло. Лошадь действительно была спокойной, но маленький принц совершенно не умел правильно закреплять ногу. Он почти забрался, сорвался и упал на солому. Удар оказался несильным, однако Грэг закричал от неожиданности. Джонатан в тот момент находился во дворе и услышал крик. Он прибежал раньше конюха. Грэг сидел на земле и держался за руку.

— Что случилось? — Джонатан опустился рядом.

— Ничего.

— Ты плачешь.

— Не плачу.

По щекам младшего брата действительно текли слёзы.

— Где болит?

— Тут.

Джонатан осторожно коснулся запястья. Грэг вскрикнул.

— Не трогай!

У Джонатана мгновенно похолодели руки.

— Позовите лекаря! — крикнул он так громко, что конюх буквально выскочил из соседнего стойла. Через несколько минут вокруг уже собрались взрослые. Грэга унесли в лазарет. Джонатан пошёл следом, несмотря на попытки няни остановить его. Перелома не оказалось. Только сильный ушиб. Лекарь сказал, что через несколько дней всё пройдёт. Но Джонатан не успокоился. Он сидел возле брата до самого вечера.

— Я же говорил не лезть на большую лошадь.

— Я почти смог.

— Ты упал.

— Потом смогу.

— Нет.

— Да.

— Грэгги, если ещё раз полезешь один, я лично запрю конюшню.

— Ты не можешь.

— Я наследный принц.

— Папа король.

Джонатан раздражённо посмотрел на него.

— Тогда скажу папе.

— Я сам скажу.

— Что?

— Что упал.

— Ты вообще ничего не боишься?

Грэг задумался.

— Боюсь.

— Чего?

Он посмотрел на Джонатана.

— Когда ты злишься.

Джонатан сразу смягчился.

— Я не на тебя злюсь.

— А на кого?

— На то, что ты мог сильно пострадать.

— Почему?

— Потому что ты мой брат, глупый.

Грэг улыбнулся и протянул здоровую руку. Джонатан позволил ему взять себя за пальцы. В тот момент он снова вспомнил новорождённого ребёнка в колыбели и обещание защищать его от всех. И впервые понял, что иногда защищать Грэга придётся от самого Грэга.

Летом во дворец приехали представители нескольких крупнейших дворянских домов, и именно во время этого визита Джонатан впервые увидел, как имя его младшего брата может становиться частью взрослого разговора. Он сидел рядом с отцом в малом тронном зале и должен был просто слушать. Обсуждался будущий брак дочери одного герцога, какие-то земли и возможное назначение её старшего брата губернатором. Всё было скучно, пока разговор неожиданно не коснулся королевской семьи.

— Ваше величество может быть спокоен за династию, — сказал герцог Соррен.

— У дома Астерион два здоровых сына. Адриан кивнул.

— Благодарю.

— Наследный принц уже показывает достойные способности.

Джонатан выпрямился.

— А младший, судя по всему, растёт чрезвычайно обаятельным ребёнком.

— Иногда чрезмерно, — усмехнулся король.

— Сильный наследник и любимый народом второй принц, — продолжил герцог. — Для государства это прекрасное сочетание.

Джонатан услышал тихий голос Варена с другого конца стола.

— Если роли никогда не перепутаются.

Несколько человек посмотрели на него. Адриан нахмурился.

— Что вы имеете в виду?

Герцог спокойно поднял ладонь.

— Ничего особенного, ваше величество. Я говорил лишь о том, что история знает случаи, когда чрезмерная популярность младших членов династии создавала ненужные политические группы вокруг них.

— Грэгу четыре года.

— Именно поэтому сейчас это не имеет никакого значения.

Варен улыбнулся.

— И, надеюсь, никогда не будет иметь.

Разговор продолжился. Джонатан смотрел на стол. Он впервые услышал подобную фразу не обращённой к нему лично, а сказанной перед отцом. Адриан явно не придавал ей большого значения. Через несколько минут король уже обсуждал другое. Но Джонатан мысленно повторял: политические группы. Популярность. Младший принц. После заседания он нашёл отца в кабинете.

— Папа.

— Мм?

— Что герцог имел в виду?

Адриан даже не сразу вспомнил.

— Кто?

— Варен. Про Грэга.

Король отложил письмо.

— Ничего важного.

— Он сказал про группы.

— Политики любят придумывать проблемы заранее, чтобы потом долго обсуждать способы их решения.

— Но такое бывает?

Адриан посмотрел на сына внимательнее.

— Что именно?

— Когда люди хотят сделать младшего принца королём.

Наступила короткая тишина.

— Бывает, — наконец сказал король.

— Но редко.

— А если захотят Грэга?

Адриан неожиданно улыбнулся.

— Тогда твой брат, вероятнее всего, сбежит от них к тебе и пожалуется, что взрослые снова мешают ему играть.

Джонатан тоже улыбнулся.

— Правда.

— Не позволяй придворным превращать каждую историческую возможность в личный страх. Это их любимое занятие.

— Я не боюсь.

— Хорошо. Потому что тебе нечего бояться. Грэг твой брат. Ты наследник. Закон ясен. Всё остальное пока существует только в разговорах.

Джонатан кивнул. Ответ отца успокоил его. Особенно последние слова. Пока существует только в разговорах. Тогда он ещё не понимал, насколько сильно одни только разговоры способны изменить человека.

Тем же вечером Грэг снова ворвался к нему без стука.

— Джони!

— Что?

— Идём.

— Куда?

— Секрет.

— Если это опять конюшня, я тебя сам отнесу маме.

— Не конюшня.

— Кухня?

— Нет.

— Сад?

Грэг покачал головой и таинственно приложил палец к губам. Джонатан отложил книгу.

— Хорошо. Показывай.

Младший брат повёл его через два коридора, потом вниз по служебной лестнице и к маленькой галерее возле западной башни. Там стоял старый сундук. Грэг с трудом открыл крышку. Внутри лежали разные вещи: три деревянных солдатика, камешек необычной формы, сломанная пряжка, кусок синей ленты, серебряная пуговица, высушенный цветок и маленькая фигурка льва.

— Что это? — спросил Джонатан.

— Моё сокровище.

— Похоже на мусор.

— Не мусор.

— Хорошо. Сокровище. Зачем ты меня привёл?

Грэг достал маленькую фигурку льва.

— Тебе.

Джонатан взял её. Фигурка была дешёвой, вырезанной из тёмного дерева.

— Почему?

— Ты лев.

— Я человек.

— На гербе лев.

— И что?

- Ты будущий король.
- Джонатан посмотрел на него.
- Значит лев твой.
- А тебе что останется?
- Грэг порылся в сундуке и вытащил плоский серый камень.
- Это.
- Ты отдаёшь мне льва и оставляешь камень?
- Да.
- Не очень выгодно.
- Грэг пожал плечами.
- Тебе нужнее.
- Почему?
- У короля должен лев.
- Джонатан медленно улыбнулся.
- Спасибо.
- Всегда носи.
- Это уже требование?
- Да.

Джонатан спрятал фигурку в карман. Он действительно носил её потом несколько лет. Иногда забывал. Иногда перекладывал из одного камзола в другой. Но каждый раз, находя деревянного льва, вспоминал этот вечер. Грэг же уже через несколько минут увлёкся чем-то другим и не подозревал, что сделал подарок, который однажды окажется рядом с Джонатаном в одну из самых страшных ночей их жизни.

Следующие месяцы проходили спокойно, но слова придворных стали появляться чуть чаще, и Джонатан начал замечать закономерность. Почти никто не говорил о Грэге плохо. Наоборот, младшего принца постоянно хвалили. Какой живой ребёнок. Какой добрый. Какой красивый. Как легко разговаривает с людьми. Как похож на старых королей по материнской линии. Как охотно ему улыбаются горожане. Как быстро он учится. Каждая такая фраза сама по себе была приятной. Но иногда за ней следовало сравнение. Джонатан серьезнее. Грэг мягче. Джонатан лучше учится. Грэг обаятельнее. Джонатан больше похож на короля. Грэг — на человека, которого народ способен полюбить с первого взгляда. Девятилетнему мальчику казалось странным, что взрослые обязательно должны определить, кто в чём лучше. Однажды он даже сказал об этом матери.

- Почему все нас сравнивают?
- Элеонора посмотрела на него поверх вышивки.
- Кого?
- Меня и Грэга.
- Люди сравнивают братьев.
- Зачем?
- Потому что людям нравится раскладывать мир по маленьким коробочкам.
- Каким коробочкам?
- Умный. Красивый. Смелый. Добрый. Сильный. Слабый. Им кажется, что если каждому дать определение, всё станет понятнее.
- А кто из нас лучше?
- Королева отложила вышивку.
- Лучше в чём?
- Вообще.
- Такого ответа нет.
- Почему?

— Потому что вы не две лошади на скачках. Вы мои сыновья.

Джонатан задумался.

— А для королевства?

— Ты наследник. У тебя одна роль. У Грэга будет другая. Это не означает, что один из вас лучше другого.

— А если он будет лучше королём?

Элеонора удивлённо посмотрела на него.

— Откуда такой вопрос?

— Просто.

Она некоторое время молчала.

— Хороший король не рождается готовым, Джонатан. Им становятся. Твой отец учится быть королём до сих пор. Ты тоже будешь учиться.

— А Грэг?

— Грэгу предстоит научиться быть Грэгом. Это тоже достаточно трудно. Джонатан улыбнулся.

— Особенно ему.

— Особенно ему, — согласилась мать. Она поцеловала старшего сына в лоб.

— Не позволяй чужим сравнениям заставить тебя смотреть на брата как на соперника. Он не соревнование. Он твоя семья. Джонатан кивнул. Тогда эти слова казались совершенно очевидными.

Зимой Грэг заболел. Сначала обычная простуда никого не тревожила, но через два дня температура поднялась настолько высоко, что лекарь приказал никого не пускать к мальчику, кроме родителей и нескольких слуг. Джонатан возмутился. Он пришёл к двери комнаты брата и потребовал пропустить его.

— Нельзя, ваше высочество, — сказала лекарка.

— Почему?

— Вы тоже можете заболеть.

— Мне всё равно.

— Вашему отцу — нет.

— Я только на минуточку.

— Нет.

Джонатан попробовал обратиться к матери. Элеонора отказала. Потом к отцу. Адриан тоже. В итоге наследник почти весь день ходил по коридору возле покоев Грэга и спрашивал каждого выходявшего человека, как тот себя чувствует. К вечеру из комнаты донёсся слабый плач. Джонатан остановился. Он услышал голос няни. Потом тихое:

— Джони.

Сердце у него сжалось.

— Он меня зовёт.

Лекарка стояла у двери.

— Я слышу.

— Тогда пустите.

— Не могу.

— Он просит меня.

— Ваше высочество...

— Я наследный принц.

— Болезни совершенно безразлично, наследный вы принц или нет.

Джонатан сжал кулаки. Через несколько минут дверь открылась, и вышел король.

— Что происходит?

— Грэг зовёт меня.

— Я знаю.

— Папа, пожалуйста.

Адриан посмотрел на сына. Потом на лекарку.

— Если он войдёт ненадолго и не будет подходить близко?

Женщина явно хотела возразить. В конце концов согласилась. Джонатан вошёл. Комната была полутёмной. Грэг лежал в огромной кровати, казавшейся рядом с ним ещё больше обычного. Лицо было красным от жара. Он сразу заметил старшего брата.

— Джони.

— Я здесь.

— Подойди.

— Мне нельзя близко.

— Почему?

— Ты заразный.

— Я не специально.

Джонатан почувствовал, как в горле появляется ком.

— Я знаю, глупый.

— Ты уйдёшь?

— Нет.

— Обещай.

— Обещаю.

Он просидел на стуле возле двери почти час. Грэг постепенно уснул. Джонатан продолжал сидеть. На следующий день температура начала спадать. Через неделю мальчик уже бегал по дворцу так, словно ничего не произошло. Но Джонатан запомнил свой страх. Это был очень чистый страх. Простой. Понятный. Он боялся потерять брата. Позднее придворные сумеют заменить этот страх другим — страхом перед самим братом. Но тогда подобная мысль показалась бы Джонатану безумной.

Весной Джонатану исполнилось десять. Праздник наследника был гораздо более официальным, чем день рождения Грэга. Во дворец прибыли дворяне со всей страны. Прошёл большой турнир. В соборе состоялась служба. Джонатан впервые стоял рядом с отцом на возвышении почти как взрослый член королевской семьи. Ему подарили настоящий меч, пока ещё лёгкий и предназначенный скорее для церемоний, чем для боя. На рукояти был изображён лев Астерионов. Грэг смотрел на оружие с нескрываемой завистью.

— Я тоже хочу.

— Тебе пять.

— Я знаю.

— Что ты будешь делать с мечом?

— Драться.

— Именно поэтому тебе его не дают.

Грэг надулся. Вечером состоялся банкет. Джонатан сидел справа от отца. Грэг — рядом с матерью. После нескольких тостов гости начали подходить с поздравлениями. Один из северных графов поклонился Джонатану.

— Десять лет, ваше высочество. Ещё немного — и королевство увидит в вас мужчину.

— Благодарю.

— Вы очень похожи на его величество.

— Мне часто говорят.

Граф посмотрел на Грэга.

— А второй принц, пожалуй, напоминает вашего прадеда Эдварда. Вы знаете, он был необычайно популярен в армии.

— Грэг не собирается в армию, — сказал Джонатан.

— Пока, конечно.

Сзади кто-то произнёс:

— Вторым сыновьям часто приходится искать собственный путь.

Джонатан повернулся. Это был лорд Крейн.

— Какой путь? — спросил он.

— Какой пожелает его высочество. Армия, церковь, дипломатия, управление провинцией. Для второго принца открыто множество дорог.

— Кроме одной, — тихо добавил Варен. Крейн посмотрел на него.

— Какой?

Герцог сделал вид, будто удивился вопросу.

— Трона, разумеется.

Джонатан почувствовал странное напряжение. Варен улыбнулся.

— И это хорошо. Ясность наследования защищает королевство от многих бед.

— Грэг и не хочет трон, — быстро сказал Джонатан.

— Конечно. Ему пять лет.

— Вы постоянно говорите про его возраст.

Варен немного помолчал.

— Потому что дети растут, ваше высочество.

В этот момент к ним подбежал сам Грэг.

— Джони!

Он схватил брата за руку.

— Мама разрешила один кусок торта ещё. Пойдём.

Джонатан посмотрел на него. Все неприятные мысли мгновенно исчезли.

— Ты уже съел три.

— Два.

— Я видел три.

— Один был маленький.

— Это всё равно три.

— Джони, пожалуйста.

Варен рассмеялся.

— Кажется, ваш брат действительно стремится отнять у вас не корону, а десерт. Джонатан тоже улыбнулся.

— Это гораздо вероятнее.

Он ушёл вместе с Грэгом. За спиной продолжался тихий разговор взрослых. Джонатан не слышал его. И хорошо, что не слышал.

Несколько недель спустя братья сидели на крыше своего деревянного бастиона в саду. Крепость уже стала им немного мала. Джонатан едва помещался внутри, но Грэг категорически запрещал её перестраивать. Вечер был тёплым. Над дворцом садилось солнце. Из открытых окон доносилась музыка. Грэг лежал рядом и рассматривал облака.

— Джони.

— Мм?

— Когда ты станешь королём?

— Не знаю.

— Завтра?

— Надеюсь, нет.

— Почему?

— Потому что это будет означать, что с папой что-то случилось.

Грэг сразу посерьёзnel.

— Тогда не завтра.

— Именно.
— Через сто лет.
— Папа вряд ли проживёт сто лет.
— Почему?
— Люди столько почти не живут.
Грэг некоторое время молчал.
— Ты умрёшь?
Джонатан повернул голову.
— Когда-нибудь.
— Нет.
— Все люди умирают.
— Не ты.
— Я тоже.

Грэг сел. В его глазах появилось настоящее возмущение.

— Не разрешаю.

Джонатан рассмеялся.

— Хорошо, раз ты не разрешаешь, придётся жить вечно.
— Обещай.
— Грэгги, такое обещать нельзя.
— Почему?
— Потому что я не смогу выполнить.

Грэг нахмурился. Джонатан посмотрел на закат.

— Но я могу пообещать другое.

— Что?
— Пока я здесь, я всегда буду твоим братом.
— Даже королём?
— Даже королём.
— И я буду рядом?
— Если сам захочешь.

Грэг снова лёг и положил голову ему на плечо.

— Я всегда хочу.

Джонатан улыбнулся.

— Посмотрим, что ты скажешь лет через десять.
— То же.
— Ты даже не знаешь, сколько это.
— Много.
— Очень.
— Всё равно.

Они замолчали. Через несколько минут Грэг спросил:

— А если я стану королём?

Джонатан неожиданно напрягся. Вопрос был совершенно детским. Но фразы Варена будто мгновенно поднялись где-то из глубины памяти.

— Ты не станешь, — ответил он.

Грэг посмотрел на него.

— Почему?
— Потому что я наследник.
— А если ты не хочешь?
— Я должен.
— А если устал?

— Это не игрушка, которую можно передать.

— Я бы помог.

Джонатан несколько секунд молчал.

— Ты и так сможешь помогать.

Грэг улыбнулся.

— Тогда хорошо.

Для него разговор был закончен. Через минуту он уже рассказывал о том, что хочет завести ещё одну собаку. Джонатан слушал вполуха. Впервые безобидный вопрос брата заставил его почувствовать нечто похожее на тревогу. Совсем маленькую. Почти незаметную. Ему стало стыдно сразу же. Он посмотрел на Грэга. Пятилетний мальчик говорил о щенке и размахивал руками. Разумеется, он ничего не хотел. Разумеется, Варен говорил только об истории. Разумеется, отец был прав. Джонатан заставил себя улыбнуться и отогнал мысль. Но теперь она уже однажды возникла. А некоторые мысли, однажды появившись, умеют находить дорогу обратно.

Через несколько дней Джонатан специально пришёл в галерею королей один. Он остановился перед портретами старых Астерионов и начал читать таблички, хотя большинство имён знал наизусть. Альберт I. Генрих. Адриан I. Ричард. Эдвард. Некоторые правили долго. Некоторые всего несколько лет. У некоторых было много детей. У других один наследник. В конце галереи находился портрет короля Филиппа II и его младшего брата Роланда. Они были изображены вместе в молодости. Джонатан никогда раньше не обращал на картину особого внимания. Теперь подошёл ближе.

— Они ненавидели друг друга? — спросил он.

— В конце жизни — да, — ответил голос сзади. Джонатан обернулся. Герцог Варен стоял у входа.

— Вы следите за мной?

— Нет, ваше высочество. Я шёл к совету.

— Почему они поссорились?

Варен подошёл к портрету.

— Это длинная история.

— Расскажите.

— Ваш наставник наверняка сделает это лучше.

— Я спросил вас.

Герцог немного улыбнулся.

— Роланд был младшим сыном. Очень талантливым. Его любила армия. Филипп был законным наследником, но человеком более замкнутым. После смерти их отца некоторые дворяне решили, что Роланд стал бы лучшим королём.

— И он хотел трон?

— Сначала нет.

— А потом?

— Люди умеют убедить человека, что он заслуживает то, о чём раньше даже не думал.

Джонатан внимательно смотрел на портрет.

— Что случилось?

— Братья начали подозревать друг друга. Роланд собрал войска. Филипп приказал его арестовать. Началась короткая гражданская война.

— Кто победил?

— Филипп.

— А Роланд?

— Погиб.

Джонатан почувствовал холод.

— Филипп его убил?

— Не собственными руками.

Варен посмотрел на картину.

— Самое печальное, что в детстве они были почти неразлучны.

Джонатан медленно перевёл взгляд на герцога.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Потому что вы спросили.

— Вы хотите, чтобы я думал так о Грэге?

Варен сразу стал серьёзным.

— Ни в коем случае. Ваш брат — ребёнок, который вас обожает.

— Тогда зачем постоянно говорить про младших принцев?

Герцог долго молчал.

— Потому что вы будущий король. Вам придётся знать историю не только тогда, когда она приятна. Но знание опасности не означает подозрение к невиновному. Если мои слова заставили вас иначе смотреть на принца Грэга, я прошу прощения.

Джонатан не ожидал такого ответа.

— Он никогда меня не предаст.

— Надеюсь.

— Не надейтесь. Я знаю.

Варен склонил голову.

— Тогда вам действительно повезло, ваше высочество.

Он ушёл. Джонатан остался перед портретом. Теперь ему казалось, что два нарисованных брата смотрят не друг на друга, а прямо на него.

Вечером Джонатан долго не мог заснуть. Он ворочался. Закрывал глаза. Открывал снова. В конце концов поднялся, надел халат и вышел в коридор. Дворец был тихим. Он сам не до конца понимал, куда идёт, пока не оказался возле комнаты Грэга. Стражник удивился.

— Ваше высочество?

— Он спит?

— Да.

— Я войду.

— Конечно.

Джонатан тихо открыл дверь. В комнате горела маленькая лампа. Грэг спал на боку, обняв подушку. Возле кровати лежал деревянный меч. На столе стояла подаренная Джонатаном фигурка лошади. Всё выглядело настолько привычно, что дневной разговор в галерее внезапно показался нелепым. Джонатан подошёл к кровати. Грэг пошевелился.

— Джони?

— Спи.

— Что случилось?

— Ничего.

— Почему ты тут?

Джонатан не знал, что ответить.

— Просто пришёл.

Грэг приподнял одеяло.

— Ложись.

— Я не собираюсь здесь спать.

— Тогда иди.

— Очень гостеприимно.

Грэг сонно улыбнулся. Джонатан сел на край кровати.

— Грэги.

— Мм?

— Ты когда-нибудь хотел бы быть королём?

Мальчик открыл глаза чуть шире.

— Нет.

— Почему?

— Рано вставать.

Джонатан неожиданно рассмеялся.

— Это главная причина?

— И много бумаг.

— Откуда ты знаешь?

— У папы всегда бумаги.

— А корона?

— Тяжёлая.

— Ты её даже не носил.

— Видел.

Джонатан смотрел на брата.

— А если кто-нибудь скажет, что ты должен быть королём вместо меня?

Грэг нахмурился.

— Зачем?

— Просто скажет.

— Я скажу нет.

— А если будут уговаривать?

— Позову тебя.

— А если скажут, что я плохой?

— Они врут.

Ответ прозвучал мгновенно. Без размышлений. Джонатан почувствовал облегчение, настолько сильное, что сам удивился.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты Джони.

Грэг снова закрыл глаза.

— Иди спать. Ты странный сегодня.

Джонатан посидел ещё немного. Потом осторожно поправил ему одеяло.

— Спокойной ночи.

— Спокойной, Джони.

Он вышел из комнаты. В коридоре было темно и спокойно. Джонатан решил, что больше никогда не станет задавать брату такие глупые вопросы.

Решение продержалось несколько месяцев. Жизнь вернулась к обычному ритму. Уроки. Фехтование. Семейные ужины. Прогулки. Праздники. Грэг продолжал врываться в комнаты без стука и называть его Джони при людях, даже когда Джонатан несколько раз пытался объяснить, что на официальных церемониях это звучит несерьёзно.

— Тогда как? — спросил Грэг.

— Джонатан.

— Долго.

— Это моё имя.

— Джони лучше.

— Только когда мы одни.

— Почему?

— Потому что я наследный принц.

— А я брат.

Джонатан не нашёл аргумента. Грэг победил. На одном из официальных завтраков он радостно крикнул через весь стол:

— Джони, дай мёд!

Несколько иностранных гостей удивлённо посмотрели на наследника. Джонатан покраснел. Король спокойно передал мёд сыну. Позднее он сказал:

— Знаешь, через несколько лет ты будешь скучать по тому времени, когда главным нарушением дворцового этикета был брат, называющий тебя Джони.

— Я не буду скучать.

— Будешь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что когда-то твой дядя называл меня Ади.

Джонатан остановился.

— У тебя был брат?

— Конечно.

— Почему я почти ничего о нём не знаю?

Лицо короля на секунду изменилось.

— Он умер молодым. Ещё до твоего рождения.

— Вы дружили?

— Очень.

— Он хотел быть королём?

Адриан посмотрел на сына внимательнее.

— Почему ты постоянно спрашиваешь об этом?

Джонатан пожал плечами.

— История.

— История иногда слишком много занимает твою голову. Мой брат не хотел корону. Он был рад тому, что наследником являюсь я. И я никогда его не боялся.

— Совсем?

— Совсем.

— А если бы дворяне уговаривали?

— Я бы сначала поговорил с братом, а не с дворянами.

Джонатан запомнил эту фразу. Она была простой. Правильной. Почти такой же правильной, как обещание, данное когда-то у колыбели. Сначала поговорить с братом.

В конце весны королевская семья впервые за несколько лет покинула столицу почти на месяц. Адриан решил посетить западные провинции и взял обоих сыновей с собой. Для Грэга это стало первым настоящим путешествием. Он почти весь первый день провёл у окна кареты.

— Это Альфия? — спрашивал он каждые несколько минут.

— Да, — отвечал Джонатан.

— А это? — Тоже.

— И это?

— Тоже.

— Она никогда не кончается?

— Кончается.

— Где?

— У границы.

— А там что?

— Другая страна.

— Чья?

— Другого короля.

Грэг был потрясён.

— Не папина?

— Нет.

— Почему?

Джонатан рассмеялся.

— Потому что мир немного больше, чем папино королевство.

Грэг долго смотрел на поля. По дороге они проезжали деревни. Люди выходили встречать королевский кортеж. Кто-то кланялся. Дети бежали следом. В одном маленьком городе семья остановилась возле площади. Когда Грэг вышел из кареты, он сразу помахал людям. Толпа ответила приветствиями. Он улыбнулся. Джонатан шёл рядом. Одна женщина протянула младшему принцу букет полевых цветов. Грэг взял его и вместо того, чтобы передать слуге, понёс сам. Потом половину цветов отдал Джонатану.

— Зачем?

— Чтобы у тебя тоже было цветы.

— Мне уже дали.

— Эти лучше.

Жители увидели жест и зааплодировали. Джонатан улыбнулся. Он чувствовал себя счастливым. Он не завидовал брату. Не думал о популярности. Не считал аплодисменты. Именно поэтому особенно странным показалось, когда вечером один из молодых дворян сказал:

— Принц Грэг покоряет сердца быстрее, чем армия захватывает города.

— Ему просто пять, — ответил Джонатан привычной фразой. Дворянин усмехнулся. — Именно. Представьте, что будет через пятнадцать лет.

Джонатан посмотрел на него.

— Что?

Мужчина сразу понял, что сказал лишнее.

— Я имел в виду, что его высочество станет прекрасным представителем короны. Только это.

Джонатан кивнул. Но ночью вспомнил слова снова.

Через неделю они остановились в прибрежном замке. Именно там Джонатан впервые увидел настоящее море, то самое, которое когда-то снилось ему в ночь рождения Грэга. Оно оказалось совсем не таким, как во сне. Не чёрным. Не тихим. Огромным, синим и живым. Волны разбивались о скалы под стенами замка. Ветер был настолько сильным, что Грэгу приходилось держаться за руку брата обеими руками.

— Джони! — кричал он сквозь шум.

— Что?

— Оно огромное!

— Я вижу!

— Больше Альфии?

— Море не страна!

— Всё равно больше?

— Да!

Они смеялись. Позднее братьев отвели в гавань. Там стояли королевские корабли. Джонатан поднялся на палубу большого флагмана и вдруг вспомнил свой детский сон. Белый корабль. Синие знамёна. Корона на голове. Он подошёл к носу. Грэг встал рядом.

— Когда ты король, это твой корабль?

— Формально он и сейчас папин. Потом будет мой.

— А я могу плавать?

— Если капитан пустит.

— Ты король. Ты скажешь.

— Я ещё не король.

— Потом скажешь.
Джонатан улыбнулся.
— Хорошо. Потом скажу.
Грэг посмотрел на горизонт.
— Я хочу далеко.
— Куда?
— Туда.
— Там другие страны.
— Посмотрим.
— Возможно, когда вырастешь.
— Ты со мной?
— Если смогу.
Грэг сразу нахмурился.
— Вместе.
— Хорошо. Вместе.

Они стояли рядом почти до заката. Джонатан вдруг подумал, что, возможно, именно так и будет выглядеть их будущее. Он станет королём. Грэг — взрослым принцем. Они будут путешествовать, вести переговоры, командовать кораблями, спорить, смеяться и возвращаться домой. Эта картина ему понравилась. Она была гораздо приятнее всех историй о братьях, убивающих друг друга из-за престола.

На обратном пути в столицу королевский кортеж остановился в поместье герцога Варена. Замок Варенов стоял на высоком холме и был почти таким же старым, как королевский дворец. Герцог устроил большой ужин. Джонатан сидел рядом с хозяином. Грэг находился дальше, возле матери. В какой-то момент разговор коснулся будущего принцев.

— Его высочество Джонатан уже серьёзно изучает государственные дела, — сказал один из гостей.

— Для десяти лет он чрезвычайно собран.
Варен кивнул.
— Несомненно. Его величество готовит достойного преемника.
— А младший принц?
— Ему пока позволено быть ребёнком.

Все улыбнулись. Джонатан посмотрел на Грэга. Тот попытался незаметно отдать собаке кусок мяса под столом.

— У него получается, — сказал Джонатан.
Варен тихо рассмеялся.
— Иногда думаю, что вторым сыновьям в некотором смысле везёт больше.
— Почему? — спросил Джонатан.
— На их плечах нет такой тяжести. Они свободнее. Могут выбирать собственную жизнь.
— Грэг говорит, что будет помогать мне.
— Прекрасное желание.
— Он будет.
— Уверен.

Варен сделал глоток вина.
— Если обстоятельства позволят.

Джонатан сразу напрягся.
— Какие обстоятельства?

— Любые. Брак. Военная служба. Дипломатия. Ваш брат однажды станет взрослым человеком со своими интересами. Не стоит ожидать, что он навсегда останется тем мальчиком, который бежит за вами по дворцу.

Фраза была разумной. Даже очевидной. Но Джонатану она не понравилась.

— Он сказал, что останется.

— Дети многое обещают.

— Он не врёт.

— Я не говорил, что врёт.

Варен повернулся к нему.

— Просто люди меняются. Вы тоже изменитесь. Ваши отношения изменятся. Это естественно.

— Мы всё равно будем братьями.

— Конечно. Этого не изменит ничто.

Герцог улыбнулся. Джонатан посмотрел на Грэга. Младший принц заметил его взгляд и немедленно улыбнулся в ответ. Через секунду беззвучно произнёс губами: «Джони». Джонатан тоже улыбнулся. Он решил, что Варен ошибается. Грэг никогда не станет совершенно другим человеком.

Вернувшись в столицу, Джонатан обнаружил, что деревянный лев, подаренный братом, исчез. Он обыскал карманы. Потом ящики. Потом спросил слуг. Никто не видел фигурку. По какой-то причине потеря расстроила его гораздо сильнее, чем могла бы стоять обычная деревянная безделушка. Грэг заметил плохое настроение во время ужина.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ты злой.

— Не злой.

— Злой.

— Я потерял кое-что.

— Что?

Джонатан не хотел говорить. Потом всё-таки ответил:

— Твоего льва.

Грэг замер.

— Того?

— Да.

— Который королевский?

— Он не королевский.

— Я тебе дал.

— Я знаю.

— Потерял?

— Да.

Джонатан ожидал, что Грэг расстроится или даже заплачет. Вместо этого младший брат пожал плечами.

— Ничего.

— Как ничего?

— Я ещё дам.

— Другого такого нет.

— Тогда другой.

— Ты не сердишься?

Грэг удивился.

— На тебя?

— Да.

— Нет.

— Почему?

— Ты же не специально.

Для Грэга ответ был очевидным. Джонатан смотрел на него несколько секунд.

— А если я потеряю что-нибудь очень важное?

— Найдём.

— А если нельзя найти?

— Тогда я буду рядом.

Джонатан тихо рассмеялся.

— Ты на всё отвечаешь одно и то же.

— Потому что правильно.

Через два дня лев нашёлся в дорожном сундуке. Джонатан положил его в верхний ящик стола. Теперь он ценил фигурку ещё сильнее.

К концу года Джонатан заметно повзрослел. Он стал внимательнее слушать взрослых. Начал задавать больше вопросов. Понимал уже достаточно, чтобы замечать разницу между тем, что люди произносили, и тем, что действительно хотели сказать. И именно поэтому прежние безобидные придворные разговоры постепенно приобретали для него новый оттенок. Если кто-то говорил: «Принц Грэг чрезвычайно любим народом», Джонатан уже автоматически вспоминал Варена. Если кто-то замечал: «Он так похож на старых Астерионов», возникал портрет Филиппа и Роланда. Если звучало: «Два сына — надёжность династии», в памяти появлялось: «Если роли никогда не перепутаются». Пока всё это было лишь крошечными уколами мысли. Они исчезали, стоило Грэгу появиться рядом. Младший брат не становился таинственным. Не шептался с дворянами. Не интересовался престолом. Он по-прежнему мог ворваться к Джонатану с деревянным мечом и потребовать немедленно защищать крепость от воображаемого дракона. По-прежнему засыпал рядом во время длинных поездок. По-прежнему отдавал ему лучшие части сладостей, хотя сам обожал сладкое. И по-прежнему называл его Джони с той особенной интонацией, которой не пользовался никто другой. Джонатан иногда сердился на себя за сами подозрительные мысли. «Он мой брат», — говорил он себе. «Ему пять». «Он любит меня». «Я люблю его». Всё это было правдой. Но придворные не пытались сразу заметить правду ложью. Они делали нечто гораздо более тонкое. Они учили Джонатана добавлять к правде одно маленькое слово. Пока. Грэг пока ребёнок. Пока любит его. Пока не думает о короне. Пока не понимает, насколько популярен. Пока не знает, что вокруг него однажды могут собраться люди. Джонатан ещё не осознавал, насколько опасным было это слово.

В один из последних дней года братья снова сидели возле окна в комнате Джонатана. За стеклом медленно шёл снег. Грэг рисовал на запотевшем окне короны, которые больше напоминали кривые заборы. Джонатан читал книгу, но уже несколько минут смотрел в одну страницу.

— Джони.

— Что?

— Смотри.

Грэг показал на две нарисованные короны.

— Эта твоя.

— А эта?

— Моя.

Джонатан почувствовал, как сердце будто споткнулось.

— Зачем тебе корона?

Грэг удивился его тону.

— Игра.

— Ты хочешь такую же, как у меня?

— Нет.

— Тогда почему нарисовал?

Грэг пожал плечами.

— Две красиво.

Джонатан продолжал смотреть на стекло. Две короны. Совершенно обычный детский рисунок. Ничего больше.

— Сотри вторую, — неожиданно сказал он.

Грэг повернулся.

— Почему?

Джонатан сам не знал. Несколько секунд ему было стыдно.

— Потому что у королевства одна корона.

Грэг подумал. Потом ладонью стёр рисунок.

— Хорошо. Осталась одна.

— Да.

— Твоя.

— Когда-нибудь.

Грэг улыбнулся.

— Джони-король.

Он пририсовал возле короны маленького человечка. Рядом начал рисовать второго. Джонатан чуть напрягся.

— А это кто?

— Я.

— Без короны?

Грэг засмеялся.

— Конечно.

— Почему «конечно»?

— Потому что я рядом с тобой.

Он дорисовал двум человечкам руки так, что они соприкасались. Джонатан смотрел на рисунок. В груди стало тепло и одновременно тяжело.

— Грэгги.

— Что?

— Никогда не слушай людей, которые скажут тебе, что тебе нужна моя корона.

Мальчик перестал рисовать.

— Не нужна.

— Я знаю.

— Она тяжёлая.

Джонатан усмехнулся.

— Ты опять про это.

— И неудобная.

— Откуда ты знаешь?

— Видел у папы.

— Хорошо. Значит договорились.

Грэг протянул ему мизинец.

— Договорились.

Джонатан сцепил свой мизинец с его. Для двух детей это было серьёзнее любой государственной клятвы. Через минуту Грэг уже снова рисовал на стекле собак. Джонатан вернулся к книге. Но читать так и не смог.

Позднее ночью, когда Грэг ушёл спать, Джонатан снова подошёл к окну. Рисунки почти исчезли. Тёплый воздух комнаты растопил следы на стекле. От двух фигурок остались только размытые линии. От короны — три маленьких зубца. Джонатан провёл пальцем по холодной поверхности. Он вспомнил Грэга в колыбели. Потом первое «Джони». Бумажную корону.

Деревянную крепость. Болезнь. Падение с лошади. Море. Маленького льва. Все эти воспоминания существовали рядом, как страницы одной книги, которую пока писал кто-то очень добрый. Он любил брата. В этом не было сомнений. Если бы сейчас кто-нибудь вошёл в комнату и сказал, что Грэг хочет причинить ему вред, Джонатан рассмеялся бы. Если бы сказали, что Грэг мечтает о престоле, он назвал бы человека лжецом. Если бы потребовали выбрать между братом и короной, девятилетний Джонатан, возможно, даже не понял бы самого вопроса. Но именно поэтому никто не задавал его прямо. Для того чтобы разрушить доверие, редко требуется один сильный удар. Гораздо эффективнее множество маленьких. Фраза за ужином. Старая история. Неосторожное сравнение. Шутка. Намёк. Пауза там, где её не должно быть. Джонатан пока отбрасывал каждый из них. Грэг каждый день давал ему десятки причин не верить чужим словам. Но взрослые обладали преимуществом, которого не было у пятилетнего ребёнка. Они могли ждать. Годы работали на них. Дети выросли. Король старел. Политические интересы менялись. А страх, если однажды нашёл внутри человека хотя бы маленькую щель, редко исчезал полностью сам.

В соседнем крыле Грэг в это время ещё не спал. Он лежал под одеялом и держал в руке новый деревянный предмет, над которым тайком работал вместе со столяром последние несколько дней. Это был второй лев. Немного крупнее прежнего. Мастер помог вырезать тело, но голову Грэг пытался сделать сам, поэтому одна сторона получилась кривой. Мальчик был чрезвычайно доволен результатом. Завтра он собирался подарить фигурку Джонатану. Просто так. Без праздника. Без причины. Потому что несколько месяцев назад решил, что у будущего короля должен быть лев, а теперь подумал, что одного может оказаться мало. Грэг повернулся на бок. — Джони, — сонно прошептал он в темноту, хотя брат находился далеко и не мог слышать. Потом улыбнулся и закрыл глаза. В его мире пока не существовало ни борьбы за власть, ни придворных партий, ни возможности предательства. Джонатан был не наследником, не будущим монархом и не обладателем короны. Он был Джони. Человеком, который поднимал его после падений. Человеком, к которому можно было прийти после плохого сна. Человеком, рядом с которым любой страшный взрослый или воображаемый дракон сразу становился менее страшным. Грэг не мог представить себе жизни, в которой старший брат посмотрит на него как на врага. Если бы кто-нибудь попробовал объяснить ему такую возможность, пятилетний принц, скорее всего, просто не понял бы слов. И, возможно, именно это делало будущую трагедию особенно жестокой. Один брат постепенно учился бояться того, что могло произойти когда-нибудь. Другой продолжал любить его так, словно никакого «когда-нибудь» вообще не существовало.

Утром Грэг появился у двери комнаты Джонатана раньше завтрака. Он держал что-то за спиной.

- Джони.
- Что?
- Закрой глаза.
- Зачем?
- Надо.
- Ты опять что-нибудь сломал?
- Нет.
- Тогда это подозрительно.
- Закрой.
- Джонатан подчинился.
- Закрыл.
- Не смотри.
- Не смотрю.
- Честно?

— Грэгги.

— Хорошо.

Младший брат подошёл ближе. Джонатан почувствовал, как ему что-то кладут в ладонь.

— Теперь.

Он открыл глаза. На руке лежал деревянный лев. Кривой. С одной лапой чуть длиннее другой и слишком большой головой.

— Что это?

— Лев.

— Я вижу. Почему он такой...

Грэг нахмурился.

— Какой?

Джонатан быстро исправился.

— Красивый.

— Я сделал.

— Сам?

— Почти.

— Тогда действительно красивый.

Грэг улыбнулся.

— Тот первый твой королевский. Этот братский.

— Братский?

— Да.

— В чём разница?

Младший принц задумался.

— Королевский для короны. Братский для меня.

Джонатан перестал улыбаться. Он посмотрел на фигурку.

— И что я должен с ней делать?

— Хранить.

— Всегда?

— Всегда.

— Даже когда стану королём?

— Особенно.

Джонатан медленно сжал пальцы вокруг деревянного льва.

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Грэг удовлетворённо кивнул. Потом обнял его за пояс.

— Люблю тебя, Джони.

Джонатан положил руку ему на голову.

— Я тебя тоже, Грэгги.

В эту секунду обещание было совершенно искренним. Они оба верили, что этого достаточно. Ни один ещё не знал, сколько чужих голосов вскоре встанет между двумя простыми фразами: «Я люблю тебя» и «Я тебе верю».

А далеко в другой части дворца герцог Рейнальд Варен стоял возле окна и разговаривал с лордом Освальдом Крейном. Они видели, как два принца пересекали внутренний двор. Грэг держал Джонатана за руку и что-то оживлённо рассказывал. Наследник слушал и временами смеялся.

— Хорошие мальчики, — сказал Крейн.

Варен ничего не ответил.

— Вы действительно считаете, что когда-нибудь между ними возникнут проблемы? Герцог медленно повернул голову.

— Между ними? Не обязательно.

— Тогда о чём вы постоянно думаете?

— О людях вокруг них.

Крейн усмехнулся.

— Грэг ребёнок.

— Сегодня.

— А Джонатан?

— Тоже ребёнок. Но один из них каждый день слышит, что однажды получит корону, а второй каждый день видит эту корону рядом.

— Грэг, кажется, совершенно ею не интересуется.

— Это не важно.

— Почему?

Варен посмотрел вниз. Во дворе Грэг вдруг остановился, поднял голову к брату и сказал что-то. Джонатан наклонился. Мальчик поцеловал его в щёку и побежал вперёд. Наследник засмеялся. Герцог наблюдал ещё несколько секунд.

— Потому что иногда для войны не требуется, чтобы оба человека её хотели.

Крейн посмотрел на него внимательнее.

— Опасные слова.

— Это просто наблюдение.

— А что вы собираетесь делать?

Варен наконец отошёл от окна.

— Ничего. Пока.

Они вышли из комнаты. Через несколько минут коридор опустел. Во дворе Джонатан догнал Грэга. Младший брат снова схватил его за руку. Потом они вместе исчезли под аркой, ведущей в сад. Над дворцом светило утреннее солнце. Колокола отбивали новый час. Для Альфии это был самый обычный день. Для двух братьев тоже. Корона всё ещё находилась на голове их отца. Джонатан всё ещё любил Грэга без страха. Грэг всё ещё смотрел на него с абсолютным доверием. И между словом «Джони» и словом «враг» пока лежали годы. Но первый шёпот уже прозвучал.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.